

ОЛЕГ ХАРХОРДИН*

GOUVERNEMENTALITÉ ПО-РУССКИ**

(У)ПРАВЛЕНИЕ КАК УДЕЛ СВЯТИТЕЛЕЙ И ЦАРЕЙ

Получено: 20.12.2025. Рецензировано: 23.01.2026. Принято: 13.01.2026.

Аннотация: Статья посвящена адаптации концепции «гувернаментальности» (*governamentalité*) Мишеля Фуко для анализа российской истории властных отношений. Автор прослеживает историческую эволюцию понятия «управление» (и однокоренных слов «управити», «исправить») в русском языке, опираясь на методологию Фуко и работы Марка Раева. На материале древнерусских текстов («Слово о законе и благодати», «Пучение» Владимира Мономаха, сочинения Иосифа Волоцкого, переписка Ивана Грозного) демонстрируется семантический сдвиг термина. Показано, как «управление» трансформировалось из пастырской, духовно-нравственной практики (в смысле «направление спасения», «управление души») в административно-политическую функцию светского государя. Особое внимание уделяется роли Иосифа Волоцкого в легитимации вмешательства великокняжеской власти в дела церкви и морали, а также закреплению пастырской функции за царем в эпоху Ивана IV, что предвещало специфические российские практики власти.

Ключевые слова: Фуко, гувернаментальность, пастырская власть, Иосиф Волоцкий, Иван Грозный, история понятий, управити, политическая теология, древнерусская книжность.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-1-13-69.

Что же такое — управление (*kubernēsis*)? [...] оно есть сознание души о непостоянстве дел человеческих и о том, как надобно переплыть непостоянную жизнь... Раздражение и страх, удовольствия и скорби, наносимые нам плотским мудрованием, как будто сильною какою-то бурей, нередко потопляют неуправляемую душу. Посему должно, чтобы ум, как кормчий (*kubernētēn*), восседая выше страстей, правя плотию как кораблем, искусно направляя помыслы, как кормило, мужественно попирает волны, высоко держась над ними, недоступен будучи страстям... Если никогда не задремлешь у кормила, пока находишься в сей жизни, в этом непостоянстве мирских дел, то получишь и содействие Духа, Который

*Хархордин Олег Валерьевич, PhD, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург), kharkhor@eu.spb.ru, ORCID: 0000-0001-8241-8600.

**© Хархордин, О. В. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

поведет тебя вперед и безопасно понесет кроткими и мирными веяниями, пока не спасешься в оную неволнуемую и тихую пристань Божией воли.

Св. Василий Великий
*Беседа 12, «На начало книги Притчей»*¹

Обратная связь есть метод управления системой путем включения в нее результатов предшествующего выполнения ею своих задач.

Норберт Винер
*Кибернетика и общество*²

Между двумя цитатами в эпиграфе — не только более полутора тысяч лет. Они являют нам два трудносоизмеримых мира. Если термин «управление» в первой цитате указывает на духовно-нравственные, церковные заботы христиан, обеспокоенных спасением души, то вторая отсылает нас к простому или голому администрированию, которым характеризуется сейчас управление любой системой отношений или организацией, как светской, так и церковной. Когда светская жизнь паствы стала отделена от жизни духовной, к чему мы привыкли после приватизации религии (то есть превращения ее в частное дело верующего) после окончания религиозных войн XVII в. в Европе, управление теперь есть прежде всего свойство любой большой или малой организации, а не свойство организации жизни отдельного христианина.

Задача данной статьи, однако, не в том, чтобы обсудить последствия приватизации религии, а в том, чтобы адаптировать концепцию власти Мишеля Фуко для анализа истории властных отношений на Руси и в России. Для этого я попытаюсь проследить историческое употребление слов, связанных со словом «управление», в русском языке и попытаюсь сопоставить полученные результаты с генеалогией практик власти по Фуко.

Концепция власти Фуко стала доступной нам в полном виде сравнительно недавно, после публикации его лекций конца 1970-х — начала 1980-х гг., в которых был введен в научный оборот термин «губернаментальность», и долго не выходящего тома «Признания плоти». Поэтому я сначала сделаю несколько методологических замечаний о концепции Фуко. Потом я сконцентрируюсь на историческом словоупотреблении глаголов «управити» и «управитися». Следующая секция текста посвящена инновациям св. Иосифа Волоцкого, который использовал данные

¹Василий Великий, 1846: 219, 221, 223.

²Винер, Панфилова, 1958: 71.

термины в своих трудах, убеждавших великих князей в необходимости сожжения новгородско-московских еретиков в начале XVI в. Аргументация эта строилась вокруг размышлений об особой, пастырской функции великого князя и царя. Когда части этой аргументации вошли в чин венчания московских государей на царство после 1547 г., пастырская функция была твердо зафиксирована как часть царской миссии. Описывающие ее дискурсивные детали, однако, могли повлиять на дальнейшее развитие практик гувернаментальности в России.

ТЕЗИС ФУКО, ПРОЯСНЕННЫЙ С ПОМОЩЬЮ РАЕВА

Фуко не был сторонником стадияльного изложения истории. Тем не менее, если посмотреть с такой точки зрения на его описание типов практик власти, характерных для Европы раннего и зрелого Нового времени, получаешь примерно следующую схему, которую отметили многие комментаторы на базе уже первых лекций его курса 1977–1978 гг. Сначала было господство суверенной военно-судебной власти над территорией с населяющими ее людьми, потом развивается капиллярная или децентрализованная власть над индивидуальным телом, а потом все они интегрируются в новую арматуру либеральной власти над свободно циркулирующими населенными.

Сам термин «гувернаментальность» был им первоначально предложен при описании той эпохи, когда в 1580–1660-х гг. европейские единовластные правители вдруг столкнулись с проблемой обеспечения предсказуемого поведения населения подвластных им территорий (Foucault, 2004: 92, 111–112; малопонятный перевод — Фуко, Суслов и др., 2011: 134–135, 162). Суверенам надо было теперь — в дополнение к традиционным функциям суда, военного командования и обеспечения силового превосходства над всеми возможными соперниками на контролируемой ими территории — направлять поведение своих подданных. Новая рациональность этого управленческого императива была описана в трактатах с названиями типа *ragione di stato* или *raison d'Etat* — что обычно на русский язык переводят как «рациональность государственного интереса». Задача (или основной интерес) деятельности формирующегося аппарата управления, подчиненного принцу, маркграфу или королю, в это время — гарантировать саму устойчивость и стабильность власти, что должно было опираться на рост мощи этого правления как в экономическом, так и в военном плане.

Именно в результате новых, возросших требований к производительности и военной эффективности подданных в XVIII — начале XIX в.

вводятся разные дисциплинарные техники, регулирующие индивидуальное тело для повышения эффективности использования его движений: чтобы оно было здоровым, готовым к труду и обороне и при необходимости способным к быстрой и эффективной мобилизации. Так размещается новый тип власти, предписывающе-детализующий и направленный на регулирование тела отдельного человека. Но на смену этому в XIX в. приходит и новый тип гвернаментальности, который занимается не индивидуальным, а коллективным телом, то есть населением. Новый тип гвернаментальности связан с осознанием того, что рынок, а потому и реагирующее на экономические стимулы и сигналы свободное население — это два типа сущностей, которые не подчиняются предписывающим или запрещающим указам. Их надо регулировать как естественные процессы — оценивая тенденции и динамику их изменений и просчитывая риски, чтобы устранить возникающие угрозы, а не думать, что их можно заставить действовать в соответствии с приказом, эдиктом, предписанием.

Конечно, появление этого нового типа гвернаментальности не отменило предыдущие, писал Фуко, оно лишь включило дисциплинарное регулирование индивидуального тела в новую арматуру либеральных попыток управиться со свободно циркулирующим населением. Фуко пояснял:

У вас нет механизмов безопасности, вытесняющих дисциплинарные механизмы, которые, в свою очередь, вытеснили механизмы юридически-правовые. В сущности, перед вами ряд сложных сооружений (*edifices*), где с переходом от предыдущей к последующей трансформируются, совершенствуются, во всяком случае, усложняются, разумеется, и сами техники как таковые, но главное — претерпевает метаморфозу доминанта или, точнее, структура корреляции между механизмами юридически-правовыми, механизмами дисциплинарными и механизмами безопасности³.

Некоторые комментаторы Фуко вообще замечают, что переход к концепции гвернаментальности произошел, когда у него рухнул первоначальный план четко разграничить военно-судебный (суверенный, наказывающий за преступления), дисциплинарный (предписывающий детали поведения индивидуального тела) и либеральный (основанный на безопасности циркулирующего населения) типы власти. «Безопасность — это способ заставить старые арматуры закона и дисциплины работать по-другому в окружающей среде риска и вероятности» (Vigo, 2008: 200).

³Фуко, Суслов и др., 2011: 22 (перевод изменен); Foucault, 2004: 10.

Однако, когда Фуко стал рассматривать типы гвернаментальности, он не мог не заметить в Европе долгой эпохи господствующего влияния христианской церкви. Так появилась концепция пастырской власти — власти над индивидуальной душой: церковь могла дать средства загробного спасения этой отдельной души, и потому ей подчинялись как простолюдины, так и знать. Когда влияние католической церкви в Западной Европе снизилось, а потом было поставлено под вопрос в результате Реформации, то на первый план выдвинулись светские новообразования под названием *lo stato, l'Etat, der Staat, the state*. Некоторые функции пастырской власти оказались, таким образом, переданы светским правителям, правда, тоже в трансформированном виде.

Митчелл Дин в своем уже ставшем классическим комментарии к концепции гвернаментальности (Дин, Писарев, 2016: 215–22) предложил следующую теорию стадияльного объяснения становления церкви как главной несущей инфраструктуры власти после упадка античности. Переход от античности к христианству — это переход от политической или полисной игры «гражданин — город» к игре под названием «пастырь — стадо». Авторитет и власть в античных полисах принадлежали аристократам, которые отличались хабитусом, воспитанным пайдейей, то есть особым телесным поведением и соответствующей ему риторикой, стилем словесного поведения. В результате этого особо интенсивного педагогического воспитания аристократы имели особое отношение к себе (теперь это можно назвать управлением собой); овладев собой, они могли претендовать на особые отношения к другим (на власть над не овладевшими собой простолюдинами). Аристократы также оплачивали основные городские службы и увеселения. Историк Поль Вейн, друг Фуко, предложивший ему сам термин «пастырская власть», называл эту деятельность аристократов «эвергетизмом», или доброделием (исторически этот термин происходит от греч. корней *eu-* «добрый» и *ergon* «дело»). Поскольку аристократы или патриции финансировали основные аспекты жизни полиса или республики, они имели особую и обоснованную претензию на власть.

Переход к поздней античности в интерпретации Дина — это появление новых слоев населения: монахов в пустынях, вдали от городов, и епископов в городах. Параллельно идет переход от эвергетизма к культуре христианской любви-милосердия, идеи солидарности бедных и богатых, к культуре заботы о нищих и убогих. Поворот шел по двум направлениям. Если монахи-пустынники своей жизнью и словами (лат. *exemplo et verbo*) утверждали, что бедность — это не порок, а добродетель,

то епископы стали новыми центрами силы: они аккумулировали деньги и власть, особенно во время упадка Западной Римской империи. Во-первых, в этом процессе были важны деньги женщин (в христианстве это значимые члены общины, не исключенные из публичной жизни, как у греков и римлян; богатые жены или вдовы имели возможность жертвовать на милостыню). Во-вторых, епископы контролировали муниципальные советы, то есть де-факто — городское ополчение, которое заботится о плебсе при жизни и занимается погребением, и это становится основой уже и светской власти епископов. Пайдейя сменяется христианской аскезой, эвергетизм — милостыней, главная модель привлекательной жизни переходит от аристократа к монаху и епископу. Так власть постепенно переходит от аристократических родов к церкви, а античная гувернаментальность (умеешь овладеть собой, значит можешь, пригоден править другими и городом или страной) сменяется христианской (управление христианской душой, которую надо вести к спасению).

Итак, обобщая изложенное до сих пор, можно сказать, что у Фуко имеются наброски описания античной гувернаментальности, пастырской власти христиан (гувернаментальности церкви), гувернаментальности суверена над определенной территорией, дисциплинарной власти и современной гувернаментальности, где важен не контроль над территорией или телом, а власть над свободно передвигающимся населением.

Нам, привыкшим к рассказам из учебников, что государство существовало и в античном мире, а значит, управление им в Европе было более-менее однотипным на протяжении известной нам, то есть письменно зафиксированной истории, странен нарратив Фуко о том, что западноевропейские принцы и короли открыли необходимость управлять вверенной им территорией только в 1580–1660-х гг. Понять этот тезис помогает книга американского историка русского происхождения Марка Раева, который описывает как раз становление нового качества режимов власти в немецких княжествах, то есть частях Священной Римской империи, в XVI–XVIII вв.⁴ Это происходило в соответствии

⁴Александр Филиппов первым нашел этот прекрасный способ проиллюстрировать тезис Фуко с помощью книги Раева (Филиппов, 2012). Он не отметил, однако, что эти два автора, преподававшие параллельно в начале 1980-х гг. во Франции и Америке, оба придерживались тезиса, что государство — это лишь эпифеномен, вторичный эффект прилива практик современной гувернаментальности. Для Фуко государство — это *une peripetie*, всего лишь важный поворот сюжета в развитии практик гувернаментальности, но не его главный мотор (Foucault, 2004: 253; Фуко, Суслов и др., 2011: 325). Раев писал:

с *raison d'Etat*, или *reason of the state*, доктриной уже упоминавшегося «государственного интереса». Но можно бы было перевести этот термин и как доктрину «причин стабильного состояния (устойчивости)», ведь эти коннотации самым прямым образом предлагал как французский термин *etat*, так английский *state* до того, как они стали непроблематично использоваться нами для обозначения того, что нам кажется чуть ли не главной единицей политического действия.

Включая Россию в общеевропейский тренд, Раев рассматривает, как сначала Петр I, а потом и Екатерина II использовали методы *raison d'Etat* для становления «регулярного», то есть хорошо упорядоченного государства. В Германии же дело обстояло следующим образом. После Реформации протестантские монархии и княжества первыми (а после Тридцатилетней войны — также их католические враги или партнеры) столкнулись с радикальным ослаблением влияния церкви на население. Светским суверенам пришлось вмешиваться в повседневную жизнь населения, требуя соблюдения прежде всего моральных устоев, — то есть делать то, чем раньше занималась церковь. Они действительно должны были заняться тем, что по-французски называлось *gouverner*, но в применении не только к странам, но и к семьям, детям, отдельным поднадзорным. Конечно, доктринально это обосновывалось тем, что королю или князю надо охранить вверенный ему народ от впадения в грех, за что всех покарает Господь. Однако подобное вмешательство прежде всего помогало сохранить или повысить производственную мощь страны (особенно после громадных потерь населения в результате религиозных войн XVII в.) и обеспечить наличие боеспособной военной силы.

В протестантских княжествах и графствах, где суверены были главами местных христианских конгрегаций, правители начали издавать указы или эдикты, требующие обязательного посещения воскресной мессы и закрытия таверн в это время. Вторыми по значимости стали указы, которыми вводились меры, способствующие росту здорового и пригодного к труду и обороне населения. Суверены приглашали мигрантов (даже Петр I вслед за немецкими графствами приглашал гугенотов переселиться к себе), но в их распоряжении были и более прозаичные меры. Такими были меры по интеграции незаконнорожденных детей

«историки позитивистского и националистического плана... приписали определяющую политическую роль абстракции, государству, не уделяя адекватного внимания тому факту, что эта абстракция была институциональным результатом действий многих индивидов (и не только правителей), которые преследовали конкретные ценности и цели» (Raeff, 1983: 6).

в общество; введение менее суровых наказаний для изменивших жен; эдикты, требовавшие быстрого проведения крестин, чтобы участвующие не заразили новорожденных, — или быстрых похорон, чтобы не заразиться самим. Городские пространства начали регулировать, чтобы там не скапливались мусор и крысы; чистые улицы требовались для гигиены. Добавьте к этому новое для суверена занятие — хватать бродяг и бесцельно слоняющихся бездельников, чтобы направить их в работные дома для повышения производительной мощи графства или княжества, — и вы поймете, что такое «гувернаментализация» в 1580–1660-х гг., на очень простых примерах (Raeff, 1983: 56–91). Говоря на книжном русском, суверен вдруг должен был стать гувернером для своей страны, а не только правителем.

ГУВЕРНАМЕНТАЛЬНОСТЬ В РУССКОЙ ИСТОРИИ: УПРАВИТИ, УПРАВИТИСЯ, УПРАВЛЕНИЕ

Виктор Каплун посвятил отдельную статью переводам термина *gouvernementalité* на русский язык (Каплун, 2019). Он предлагает передавать неологизм Фуко на русском калькой с французского термина — «гувернаментальность» — как наиболее полно передающей замысел автора (помыслить сферу отношений власти без главного агента под названием «государство») и отказывает вариантам других переводчиков Фуко — таким как «правительственность» или «управленчество» — в адекватности передачи его мысли. Каплун также предлагает передавать значение термина *gouvernement* в поздних текстах Фуко с помощью специального неологизма «(у)правление», с помощью скобок указывающего на концепцию гувернаментальности у Фуко (там же: 183–185). Я поддерживаю позицию коллеги: неологизмы «управленчество» или «правительность» в современном русском слишком близко связаны с современными терминами «управленцы», «госуправление» и «правительство», что иногда безнадежно затемняет смысл текстов Фуко в переложении наших переводчиков, несведущих в политической теории. Однако я также часто сталкивался с вопросами студентов, почему нас не устраивает само русское слово «управление», без скобочек вокруг приставки «у». Ведь если практики гувернаментальности, характерные для французской или немецкой истории, можно найти и в российской, то, наверное, русскими авторами тоже использовались какие-то адекватные локальные термины, заимствованные или нет, чтобы артикулировать подобные практики, то есть схватить их в поименовании.

Например, логичен вопрос: когда вводившие нововременную гувернаментальность Петр I и Екатерина II пользовались не немецким, французским или латынью, а должны были выразить свои приказы или обоснования оных через понятные подданным русские слова их эпохи, то на какую терминологию они опирались? Более того, если нововременная гувернаментальность — это результат трансформации или частичного перелива прежних практик пастырской гувернаментальности, то следы перелива, возможно, должны были остаться в изменениях исторического словоупотребления. Потому мне показалось небезынтересным взглянуть на историю слова «управление» и связанных с ним глаголов. И начать пришлось с истории древнерусского словоупотребления.

Слова «управити» или «управляти» привлекают нас сразу же тем, что во многих церковнославянских текстах они связаны прежде всего с религией, и только гораздо позже, как кажется, начинают применяться в более или в чисто секулярных контекстах. Так что они представляются хорошими кандидатами для того, чтобы взглянуть на историю изменений и распространения практик гувернаментальности на Руси и в России. Иными словами, интересно проследить, когда пришло преимущественно секулярное словоупотребление и об управлении стали говорить как о менеджменте — независимо от того, о церковной или светской организации идет речь. Наука ждет подробных исследований на эту тему⁵. Я же, ограниченный рамками статьи, попытаюсь взглянуть лишь на одну из предполагаемых точек перехода практик (у)правления, а именно на переход терминологии из жизни пастыря в жизнь правителя. Причем, учитывая обширнейший материал по историческому словоупотреблению, ограничусь для начала лишь глаголом «управити»⁶.

⁵Ни историк Ключевский в исследовании лексики древнерусского периода, ни академик Виноградов в «Истории слов», ни недавние труды профессиональных лексикографов не уделяют термину «управление» особого внимания. Ключевский в «Терминологии русской истории» подробно разбирает «правду» и «правеж», но не занимается словом «управити» (Ключевский, 1989: 171, 181). Виноградов ограничивается ссылкой на соответствующую словарную статью из Срезневского (Виноградов, 1998: 620). Г. А. Заварзина обходит стороной историю самого термина «управление» (Заварзина, 2015), хотя занимается эволюцией терминологии сферы госуправления, которое она находит (!) на Руси XI–XIV вв. (Термин «господарство-государство» тогда еще не применялся для обозначения аппарата правления, находящегося между князем и подвластным ему населением.)

⁶Читатели, которых не интересуют детали исторического словоупотребления терминов, центральных для аргумента статьи в дальнейшем, могут пропустить эту секцию и вернуться к ней, если посчитают нужным, после прочтения всей статьи.

Слово «управити» древнее и встречается в самых первых текстах на древнерусском. Например, в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона (сер. XI в.) говорится⁷:

Паче же помолися о сыне твоємъ, благовернемъ кагане нашемъ Георгии, въ мире и въ съдрави пучину жития преплути и въ пристанищи небеснаго заветрия пристати, невредно корабль душевны и веру съхранышу, и съ богатствомъ добрыми делы, безъ блазна же Богомъ даныя ему **люди управивышу**, стати с тобою непостыдно пред престоломъ Вседръжителя Бога и за **трудъ паствы** людий его приати от него венець славы нетленныя съ всеми праведными, трудившимися его ради⁸.

Из контекста следует, что князь Ярослав Мудрый (в крещении Георгий) управил людей с помощью пастырского труда, то есть паса овец своих, и за это предстанет перед Богом без стыда. Несмотря на привычное для нас нынешнее секулярное значение выражения «управлять страной (или народом)», утверждение, что глагол «управити» в поучении Илариона, главы Русской церкви, недавно появившейся на Руси, указывает на действия светского характера, кажется слабо обоснованным. Общий контекст писаний на церковнославянском, даже если присутствуют добавления или вкрапления местного языка, — естественно, церковный. Конечно, в церковнославянских текстах мы часто встречаем примеры словоупотребления, где, как сказали бы мы сейчас, светские и духовные аспекты ситуации управления неразрывно связаны. Но очень часто встречаются и те, где говорится об «управлении» как только о духовном направлении себя на путь истинный или праведный.

Так, «Стословец Геннадия», вошедший в Изборник 1076 г. и потом включавшийся в такие распространенные учительные сборники, как «Измарагд» (с него начинается старшая редакция этого сборника)

⁷Я привожу цитаты из церковнославянских и древнерусских текстов в том виде, в котором они были опубликованы; буквы, не вошедшие в алфавит после реформы 1918 г., заменены на современные аналоги. Диграф «оу» воспроизводится, если он был напечатан в цитируемом источнике.

⁸Слово о законе и благодати..., 2026. Перевод: «И еще помолись о сыне твоём, благоверном князе нашем Георгии, да в мире и здравии переплыть [ему] пучину жизни [сей] и невредно привести корабль душевный [свой] к безурному пристанищу небесному, и веру сохранив, и с богатством добрых дел, да, непреткновенно **управив** Богом вверенный ему **народ**, вместе с тобою непостыдно предстать [ему] престолу Вседержителя Бога и за **труды пастьбы** народа своего приять от него венець славы нетленной со всеми праведниками, потрудившимися ради него» (там же). Здесь и далее полужирным шрифтом выделено мной. — О. Х.

и «Златая Чепь» (там он составляет отдельную главу), использует похожий глагол в чисто духовном контексте. В 97-м слове «Стословец» рекомендует съездить к монахам поучиться у них праведной жизни, обустроенной по чину и уставу: «Въ монастыря, в домы святыхъ, потружияся, вижь житие и оустрой чин и оустав. Видев бо перебывание ихъ, окаеши свое житие и **оуправишися** отътоле» (Изборник 1076 года, 2009: 274–275). Ведь, увидев их бытие-пребывание, «окаеши» свое житие, то есть осудишь свою жизнь, и «управишися оттоле», то есть с этого момента начнешь исправление. Георгий Федотов, написавший комментарий к «Стословцу» как краткому поучению о христианской жизни, отмечал, что в нем он видит древнеславянские вставки, подчеркивающие любовь, а не только страх Божий, как было принято тогда в византийской теологии (Федотов, 2015: 187–189). К тому же монашеский идеал жизни проповедовался в славянских переводах «Стословца» как образец вообще для всех христиан, а не только монахов (в католической традиции такой текст был бы адресован только монахам, согласно Федотову). Иными словами, духовный характер текста здесь очевиден, а глагол «управитися» говорит о переходе к праведной жизни, то есть жизни по святым правилам.

Однако утверждать, что глагол «управити» и связанные с ним слова относились исключительно к духовному направлению верующих к спасению, было бы ошибкой. Впрочем, это было бы неверно и для других слов с корнем *-прав-*. В Древней Руси, согласно Борису Успенскому, существовала диглоссия, то есть специфический тип двуязычия, когда церковнославянский и древнерусский языки дополняли друг друга. Церковнославянский использовался для высокой, книжной культуры, а древнерусский — в быту, был языком договоров и обычного права, например, «Русской правды». Виктор Живов в конце своей научной карьеры отказался от этой теории диглосии как находящейся в плену у слишком жесткого структурализма. Взамен он выдвинул гипотезу о наличии в Древней Руси по меньшей мере четырех регистров письменного языка. Он выделил, во-первых, церковнославянский регистр, во-вторых, гибридный — то есть тот же язык, но контаминированный местными терминами, который мы находим, например, в летописях; в-третьих, деловой регистр межкняжеских, межстрановых или межгородских договоров; и, в-четвертых, некнижный бытовой. Живов тем не менее считал верным тезис, что в языке права диглоссия по модели Успенского просуществовала вплоть до XVII в. (Живов, 2004: 65, 69;

Живов, 2002: 292, 293). Иными словами, в церковнославянских переводах, включая памятники канонического права, была своя терминология, а в древнерусском реально применяемом обычном праве — своя.

Например, древнерусское слово «правьда», означавшее «свод юридических норм» не употреблялось в сфере книжного права, где господствовали церковнославянские термины «закон», «законоположение» и «заповедь» (там же: 194)⁹. Были, естественно, и случаи, когда слово попадало в оба языка. Как кажется на первый взгляд, слова, связанные с «управити» во время юридической диглоссии XI–XVII вв., должны были иметь хождение в обеих сферах, не будучи жестко привязаны к одной из них. Для существительных, наверное, можно было бы показать более или менее четкое деление на культурную и бытовую сферу. Можно отделить существительные с корнем *-прав-*, которые оканчиваются на церковнославянские суффиксы *-ние*, *-ость*, *-ство*, *-тель*, от таких древнерусских слов, как «управа» (разбор дела), «исправа» (в значении «суд»), «правеж» (процедура взыскания долга с должника — см. Ключевский, 1989: 181), «правда». Однако контраст между ними связан с разницей суффиксов, не корня. Про корень (учитывая, что он общеславянский) можно предположить, что он играл в словообразовании универсальную роль и потому образованные от него слова вошли как в церковнославянский, так и в древнерусский (или во все четыре регистра письменности, если брать постструктуралистскую теорию позднего Живова).

Перечислим основные значения глагола «управити», как их приводит вышедший недавно долгожданный том Словаря русского языка XI–XVII вв.¹⁰ Первое значение — «физически направлять», переводившее греч. *kubernao* «направить лодку, править с помощью весла», что было связано с *kubernētēs*, «кормчий», — то есть тот, кто направляет лодку в нужном направлении. От этого греческого слова произошел термин «кибернетика», то есть наука об управлении, и лат. *gubernare*, «направлять, править», откуда фр. *gouverner* в значениях и «быть гувернером для детей», и «управлять» — как собой, так и другими¹¹.

⁹Академик Виноградов отмечал, что даже само слово «право» закрепилось в русском языке только в XVI–XVII вв., под влиянием польской лексики (Виноградов, 1998: 534).

¹⁰Все значения и примеры словоупотребления в этой секции, если не дается специальная сноска — из статьи «управити» в Словаре русского языка XI–XVII вв. (Управити, 2023).

¹¹От термина *kubernētēs* произошло и название древнерусских сборников церковных и светских законов под названием «Кормчие книги». Да, с помощью правила (то есть

Второе значение «управити» словарь передает как «править страной» и приводит здесь вышеупомянутую цитату из Илариона, что странно, учитывая церковный контекст. Правда, термины могли быть многозначны¹². Третье значение — «осуществлять духовное руководство», как во фразе из Изборника 1076 г., где говорится, что иерея, который «не добре тебе **оуправить**» (Изборник 1076 года, 2009: 617), то есть не позаботится о духовном направлении тебя в нужное праведное русло, покарает Бог. Следующие два значения — четвертое и пятое — означают «исправить, сделать лучше» или «устроить правильно, лучшим образом» с примерами типа «управити чернеческую [то есть монашескую] жизнь». Шестое и седьмое значение «управити» — «совершить, достигать чего-то успешно». Восьмое — «утвердить, укрепить». Девятое — «установить, определить, постановить». Десятое — «выполнить, исполнить обещание или клятву». Одиннадцатое — «рассудить справедливо, дать справедливый суд». Двенадцатое — «распорядиться о судьбе кого-либо, позаботиться об устройении чего-либо».

В этом кусте значений поистине легко потеряться. Конечно, есть соблазн сгруппировать двенадцать значений в более крупные кластеры — например в три основных значения, якобы включающих в себя все двенадцать. Можно попытаться и все свести к одному главному значению (связанному с физическим направлением или выправлением), от которого потом якобы отпочковались все остальные, или стремиться, наоборот, оспорить ранжирование значений этого глагола, к которому прибегли составители словаря. Наша задача, однако, — помочь читателю разобраться во всем этом лабиринте значений древнерусского слова. Поэтому я просто дам по паре-тройке примеров для каждого из четырех выделенных Живовым регистров речи древней Руси, чтобы читатель мог уловить прагматический контекст, в котором встречаются цитаты с нужным нам глаголом — то есть конкретные практики, которые ар-

руля на корме корабля, древнерусское слово «правило» обозначало и это; сравните фр. *gouvernail*) кормчий ведет корабль через пучину моря.

¹²Ср.: «Существенно отметить, что целый ряд церковнославянских лексем, употребляющихся в качестве юридических терминов, совмещает юридическое значение со значением религиозным. Эта многозначность церковнославянских лексем калькирует многозначность соответствующих лексем греческих. Так, *законъ* может означать как юридическую норму, так и норму религиозную, что обусловлено такой же многозначностью греч. *nomos*; такими же двумя значениями обладает и слово *заповедь*, передающее греч. *diataxis*» (Живов, 2002: 216).

тикулировало, в которые было вписано или с которыми переплелось словоупотребление.

Первый, церковнославянский регистр представлен, например, строками «Триоди постной» XII в.: «Присновълаемое жития море плававъша, Христе, въ нетьленьныи жизни съподоби пристанища притеци в прововерьни жит[и] и **управленныхъ** (*kubernēthentas*)» (Управити, 2023: 244, знач. 1). Метафора корабля жизни, который для направленных («управленных») в правоверную сторону Христос приведет к пристани нетленной жизни, здесь не случайна: она родом из классической греческой риторики, перенятой христианами¹³. Мы видели ее в «Слове о законе и благодати» Илариона; мы еще встретим ее несколько раз. Другой пример — «Пролог» XII–XIII вв. В переводе греческого текста сказано: «Поставлень быс[ть] (Феодор) патриархомъ на престоле Константина града и добре пасъ стадо свое и, **управивъ святую церковь** правоверно две лете и три месяце, к Господу отыде» (там же: 244, знач. 2). Глаголом «управити» переводится здесь греческий глагол *kubernao*, как и в примере из «Триоди» выше. Долг патриарха — направлять церковь в правом, верном направлении. Коннотация направленности, направления пасомых на правильный путь, как кажется, здесь сильнее коннотации администрирования.

Во втором, гибридном регистре написаны многие фрагменты русских летописей. Так, Ипатьевская летопись под 1148 г. рассказывает о речи киевского князя Изяслава Мстиславича в Новгороде перед походом на своего дядю, суздальского князя Юрия Долгорукого: «Стрый мои Гюргии из Ростова обидить мои Новгород, и дани от нихъ отималъ, и на путехъ ихъ пакости дееть, а хочю поити на нь и то хочю **управит[и]** любо миромъ, любо ратью» (там же: 245, знач. 5). Словарь предлагает переводить релевантный для нас глагол в данном контексте как «урегулировать, разрешить конфликтную ситуацию», учитывая, что церковных коннотаций в этом эпизоде, как кажется, нет, а в деловом языке «управа» означало «справедливый разбор дела» или «суд». Действительно, Изяслав перечисляет обиды, нанесенные Юрием Долгоруким Новгороду, которые надо устранить. Но общее

¹³См. эпитафия — цитату из 12-й гомилии св. Василия Великого, который в юности учился у Либания, одного из светил второй софистики, позднеантичной риторической школы. В целом о метафоре корабля-полиса в древнегреческой философии см.: Гринцер, 2024.

значение 5 формулируется в словаре как «устроить правильно, к лучшему; привести к порядку». Потому «управить» здесь могло также нести коннотации того, что ситуацию надо исправить, в смысле направить ход событий в правое, правильное русло.

Дело в том, что если это не под силу смертным, то разрешить дело справедливо, по правде, то есть «управить» его в этом смысле, может, в конце концов, лишь Бог. Об этом свидетельствует та же летопись под 1149 г., когда Изяслав говорит Ростиславу Юрьевичу, сыну Долгорукого, севшему в одну из киевских волостей, то есть пришедшему к Изяславу на службу: «иду на отца твоего, а на своего стрыя... Любо ся с ним оумиру, пакы ли, а како мя с ним **Богъ оуправить**» (Управити, 2023: 247, знач. 11). Либо Изяслав замирится с Долгоруким сам, то есть получит правду-справедливость за столом переговоров, либо Бог в поединке поможет Изяславу добиться этой правды. (Не надо забывать, что одной из древнейших форм правосудия было «поле» — судебный поединок; на стороне выигрывавшего, как считалось, был Бог, а значит, и правда.)

Поучение Владимира Мономаха сыновьям, которое Георгий Федотов охарактеризовал как монашески-смирненное (Федотов, 2015: 227–228) и к которому тем не менее были русским автором добавлены воинские добродетели, тоже написано в гибридном регистре. Мономах говорит (в Лаврентьевской летописи): «Аще ли вы будете крестъ целовати к братьи или г кому, а ли **управивъше сердце свое**, на немже можете устояти, то же целуйте, и целовавше блюдете, да не, приступни, погубите душе свое» (Управити, 2023: 246, знач. 8). В словаре указано, что значение нужного нам слова здесь — это «утвердить, укрепить (сердце)». Перевод на сайте Пушкинского дома передает смысл как «проверить сердце»¹⁴. Но тщетно современный читатель будет искать здесь советы для современного светского самосовершенствования. Если мы посмотрим на образы, которые связаны с сердцем в тексте Мономаха, то увидим, что управившие свое сердце, то есть «справые сердцем», противопоставлены грешникам, что чуть ли не буквально повторяет строки Псалтири (Пс. 36:10–23):

Оружья извлекаша грешници, напряже лукъ свой истреляти ница и убога, заклати **правыя сердцемь**. Оружье ихъ видеть в сердца ихъ, и лица ихъ

¹⁴ «Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей» (Поучение Владимира Мономаха, 2026).

скрушатся. Луче есть **праведнику** малое, паче богатства грешных многа. Яко мышца грешных скрушится, утверждает же **праведный** Господь. Яко се грешници погубнут; **праведный** же милует и даеть [...] От Господа стопы человеку **исправятся**¹⁵.

«Управить сердце» значит здесь стать правым или праведным сердцем, потому что праведных укрепляет и милует Бог. Правые сердцем они еще и потому, что их ис-правляет, то есть испускает на праведный путь, на-правляет сам Господь. Контекст здесь не светский, а чисто духовно-церковный.

В том же тексте находим любопытное выражение «очима управление», которое Словарь русского языка XI–XVII вв. понимает как духовное управление или руководство своими страстями (включая контроль над разглядыванием глазами объектов вожделения). Если найти источник этой фразы, то она отсылает к гувернаментальности древних греков, к управлению собой. Выражение заимствовано из приведенной в эпиграфе 12-й Беседы св. Василия Великого на Книгу Притч, где в оригинале находим *kuberna ton ophthalmon sou*¹⁶ (PG 31: 421). Исключительность такого яркого образа (управления своим взором) показывает, что все богатство греческой риторики с ее образностью овладения собой попадает в древнерусскую литературу только в составе подобных очень редких примеров.

Да и насколько адекватно понимали такие тонкие поучения об управлении жизнью как лодкой, чтобы не погрязнуть в море грешных страстей? С одной стороны, в самом тексте Мономаха перед поучением «управити очи» приводится еще один совет Василия Великого — «долу очи имети, а душу горе», то есть потупить смиренно глаза, а духовно вознестись к высшим христианским идеалам. С другой стороны, когда мы находим похожее выражение и в пересказе поучений св. Василия

¹⁵Поучение Владимира Мономаха, 2026. Перевод: «Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет Господь. Как грешники погубнут, — праведных же милует и одаривает... Господом стопы человека направляются» (там же).

¹⁶«Потому твердо держись за кормило жизни. Управляй своим глазом, чтобы когда-нибудь чрез зрение не вторглись в тебя стремительные волны вожделения; управляй слухом и языком, чтобы одним не принять в себя всего вредного, а другим не выговорить чего запрещенного» (Василий Великий, 1846: 222).

в гораздо более раннем тексте «Како подобает человеку жити», вошедшем в Изборник 1076 г.: «долу очи имети, а не горе», — это кажется частично противоречащим тому, что вычитал Мономах из св. Василия¹⁷.

В третьем, деловом регистре письменности древней Руси мы не встречаем юридических документов со словом «управити» вплоть до Судебника 1497 г., где есть выражение «жалобника управити» в значении «дать ему справедливый суд» (Управити, 2023: 247, знач. 11). Зато в договоре Дмитрия Донского с тверским князем Михаилом Александровичем (1375) находим глагол «управитися»: «А что еси целовал к нам наперед сего... а что ся будет **не управлено** по тому целованью... взятое все отдати по тому целованью» (Духовные и договорные грамоты..., 1950: 26; Управити, 2023: 250). Словарь указывает, что это страдательный залог «управити» в значении «выполнить, исполнить (обещание, клятву)». Смысл: если не будет исполнено обещанное про пленных во время крестоцелования при подписании договора, то собственность пленнных должна быть возвращена.

Но зато мы встречаем много договоров, имеющих отношение к церковной жизни. Например, среди сохранившихся новгородских грамот находим духовное завещание середины XII в. Антония Римлянина основанному им Антониеву монастырю: «да то все **управить** Мати Божия, что есмь беды принял о месте семъ» (там же: 245, знач. 5). Словарь переводит здесь релевантное для нас слово как «устроит», но мы можем легко увидеть здесь и коннотацию направления, удержания на праведном пути, который задал при основании монастыря Антоний. Ведь сразу после этого предложения о надежде на Богородицу в тексте духовной идут проклятия тем, кто изменит порядок назначения игумена по воле братьев — например, будет навязывать им его силой или поставит его за деньги.

Другой юридический источник, Устав князя Владимира о церковных судах и десятине, в Синодальной редакции Крестининского извода, гласит в заклятии в конце этого текста: «Аще кто преступит(ь) сии правила, яко(же) есмы **управили** по с(вя)тых отець правилом и первых ц(а)рь управлению, кто имет(ь) преступати правила сии... да будут прокляти в сии векъ и в будущий от седми сборъ с(вя)тых от(е)ць вселенскихъ» (Древнерусские княжеские уставы..., 1976: 33; Управити,

¹⁷В этот текст наставление св. Василия направить душу к горнему не вошло; наоборот, предлагается вообще не смотреть ввысь физически, как если бы вся святость исчерпывалась смирением (Изборник 1076 года, 2009: 468, лист ркп. 1020б.).

2023: 246, знач. 9). Составители словаря считают, что значение здесь — «установить, определить». Но если следовать Витгенштейну и Остину в том, что значение (в большинстве случаев) есть словоупотребление, то из цитаты ясно видно: князь, от имени которого разграничивались сферы действия церковного и светского права. Учитывая диглоссию между обычным правом и церковными правилами, о которой писал Живов, можно предположить следующее. Князь отграничивает от сферы «правды» (то есть обычного права) те места и проступки, где она не применяется. Например, такой сферой будет церковный суд — где будет праведная жизнь, не по «правде», а по книжным правилам, то есть по каноническому праву. Если слово «устав» являлось церковнославянским (Живов, 2002: 194–195, сн. 10), то «управити по правилам», чтобы ввести определенный «устав» в действие, было актом отграничивания сферы, где будет действовать книжное право. Действительно, Устав князя Владимира впервые четко отделял церковные суды от княжеских, а также очертил те немногие стороны жизни Древней Руси, на которые распространялось церковное, книжное, переводное византийское право (например, семейно-брачные отношения). Да и наказание за нарушение этого Устава — проклятие — не есть все же светская казнь или штраф. Все детали говорят о преимущественно церковном контексте.

Почти в том же смысле — «устанавливать, определять» — словарь приводит в статье о слове «управляти» (Словарь русского языка..., 2023: 256) ярлык хана Узбека митрополиту Петру Московскому (ок. 1313).

И мы бо тако же управляемъ и жалуемъ, яко же и прежнии и цари ярлыки имъ давали и жаловали ихъ, а мы потомужь пути темижь ярлыки жалуемъ ихъ, да Богъ насъ пожалуетъ заступитъ, а мы Божия брежемъ, а даннаго Богу не взимаемъ; а кто взимаетъ Божия, и тотъ будетъ Богу повиненъ, а гневъ Божии на него же будетъ, а отъ насъ будетъ каженъ смртною казньо, да то видя и иные в боязни будутъ¹⁸.

Петр, знаменитый тем, что перенес митрополичью кафедру из Владимира в Москву и получил ярлык от ханов на сохранение традиционных устоев христианской жизни, привозит от первого монгольского хана, принявшего ислам для Орды, постановление или определение (называемое в ярлыке «управлением») по поводу сохранения другой религии на подвластной Узбеку территории. Однако современная светская интерпретация слова «управляти» и здесь не должна скрывать от нас

¹⁸Оригинал см. в: Собрание государственных грамот и договоров..., 1819: 9.

церковного контекста. Во-первых, грамота сделана «по грамоте первых Царей, ничего не изыначивая», как говорится дальше в ее тексте (Собрание государственных грамот и договоров..., 1819: 9), то есть по образцам византийских теократических грамот по свободам и пределам юрисдикции святителей¹⁹, хотя теперь царями называются монгольские ханы. Во-вторых, действия самого митрополита описываются так: «А митрополитъ правымъ путемъ ходить, да правымъ путемъ пребываетъ и тешится, да правымъ сердцемъ и правою мыслию вся своя церковная управляетъ и судить и ведаеть» (там же). Как мы помним из поучений Мономаха, стать правым сердцем — это результат того, что кто-то «управил сердце» и на нем твердо стоит, так что может пойти на крестоцелование. Митрополит, управив свое сердце, теперь может управлять, то есть исправить-направить сердца паствы.

Наконец, в четвертом, бытовом не книжном регистре языка встречаем в новгородской грамоте № 705 (1200–1220 гг.; Управити, 2023: 246, знач. 10) следующее: «Присоли [сыно] ко мене с ее [сестрой] знатебою, оте побуде сыно у мене, а я ся имо потешу... паки ли не управиши того, а я тя передамо Святее Богородице, ко нееже еси заходили роте». Из перевода²⁰ мы понимаем, что новгородец Домажир посылает за свою сестрой, которую наделил имуществом, когда та вышла замуж за Якова, и просит Якова, если больная сестра уже умерла, прислать ему сына Якова на время в утешение (А. А. Зализняк в комментарии замечает, что подобная практика упоминается и в письме Владимира Мономаха (Зализняк, 2004: 424)). После чего следует угроза: если не исполнишь («управишь»), то передам тебя на суд, так как ты приносил клятву (роту) Богородице. Показателен опять же не столько контекст имущественно-родственных отношений, сколько аспект судебной угрозы вследствие клятвы на святыне. Церковный контекст при даже деловых разговорах о праве и правде почти всегда присутствует.

Еще один пример бытовой переписки — берестяная грамота № 282 (1380–1400 гг.): «...[уп]равь, (а со)[ли] не купи купиль есмь соль немец-

¹⁹Основное современное значение термина «святитель» — это чин святости в православной церкви, присваиваемый канонизированным архиереям (например, епископам или митрополитам) за праведную жизнь, мудрое пастырство и устройство церковной жизни. Однако в анализируемых в статье источниках — например, в церковнославянских переводах «Новелл» Юстиниана или в посланиях Ивана Грозного — слово это употреблялось для передачи греч. *archiereus*, то есть относилось к любому священноначальнику. В этом смысле оно и используется в данной статье.

²⁰См.: Грамота № 705, 2026.

кую то бѣ еси семь припровадилъ». Это переводится как «...исполни. [А соли] не покупай: я купил немецкую соль. Доставил бы ты ее сюда»²¹. В рукописном словаре Марка Ридлея конца XVI в. «управити» переводится как *to mend, to repaire*, то есть «чинить, исправлять» (Управити, 2023: 245, знач. 4). В псковском русско-немецком разговорнике Тонни Фенне (1607) читаем в транскрипции готическими буквами: *Ia stoboi vprauilus: sotztus tzto tobe otmenae donet, to ia tebe doplatzu* (Словарь русского языка..., 2023: 250, глагол «управитися»). Учитывая, что новгородцы «цокали», фраза из разговорника обещает управитися, то есть доплатить, чтобы сладить и договориться, если будет не хватать. Это поздний источник, совсем мирской, связанный с межстрановой торговлей, в которой, как предполагалось, участвовали купцы, принадлежавшие к разным конфессиям христианства. Так что, похоже, церковный контекст далек от него. Иными словами, в повседневном деловом или международном торговом языке XVII в. попытки увидеть остаточное значение «направить в праведном направлении, по правде-справедливости» будут уже натяжкой.

Теперь, проследив, как в разных регистрах языка на Древней Руси употреблялись глаголы «управити» и «управитися», можно перейти к анализу текстов церковных иерархов, которые пользовались этими и другими глаголами с общеславянским корнем *-прав-* во время ключевых эпизодов истории становления царской власти.

«УПРАВИТИ» У ИОСИФА ВОЛОЦКОГО

Иосиф Волоцкий (1439–1515), прославленный Русской православной церковью в чине преподобного, — особо яркая фигура в истории перелива практик (у)правления из церковной сферы в сферу призвания суверена. Обычно считают, что он был одним из тех, кто убедил Ивана III сжечь еретиков в 1504 г. после соборного решения. До этого Иван III многие годы не обращал внимания на эти призывы, и потребовались специальные дискурсивные усилия, чтобы заставить великого князя вмешаться и отправить еретиков на костер. Такие либеральные мыслители, как философы Николай Бердяев и Георгий Федотов, посчитали это решающим моментом грехопадения Русской православной церкви — ведь она до того не имела инквизиции и действовала якобы только благими ненасильственными методами вроде увещания и убеждения. Бердяев в описании волоколамского игумена был вообще слишком эмоционален:

²¹См.: Грамота № 282, 2026.

Он сторонник христианства жестокого, почти садического, властолюбивого, защитник розыска и казни еретиков, враг всякой свободы... Иосиф Волоцкой — роковая фигура не только в истории православия, но и в истории русского царства (Бердяев, 1971: 11).

Не разделяя обостренно-осуждающей тональности Бердяева²², мы все же считаем важным подробно рассмотреть дискурсивную форму наставления, шедшего от настоятеля волоколамского монастыря великому князю — «сожги»!

Я сталкивался с фигурой Иосифа Волоцкого в своих прежних исследованиях. Его техники создания общежития среди монахов (не забудем, что общежитием до XVIII в. чаще всего назывался монастырь (Хархордин, 2024: 17)) основывались на интенсификации триады практик «обличить-увещать-отлучить» из Евангелия. Монастырский Устав «осифлян», как их называют исторические источники, после смерти Иосифа лег в основу жизни многих, если не почти всех киновий (общежительных монастырей) на Руси, сменив Иерусалимский и Студийский уставы. Более того, техники коллективообразования Антона Макаренко, позволившие ему создать фабрики по производству нормальной, то есть усредненной и культурной советской личности, готовой к труду и обороне, во многом использовали трансформированные и радикализованные практики построения монашеской обители. «Пребольшие братья», как их называл Иосиф, то есть актив, помогали настоятелю (начальнику детской колонии в случае с Макаренко) с помощью горизонтального надзора поддерживать бытовую и трудовую дисциплину, а также помогать каждому члену такой конгрегации или коллектива обрести истую христианскую (в случае с Макаренко — коммунистическую) личность. Пребольшие братья, а не Большой Брат — символ советской цивилизации (Хархордин, 2002: 132–140).

Пространная редакция Устава, составленная незадолго до смерти Иосифа, изобилует описаниями практик правления, направления и исправления. Это главный «пучок» практик, упорное следование которым позволяло монастырскому общежитию надеяться на подобие святой жизни. Так, название главы 13 пространной редакции Устава Иосифа Волоцкого, описывающей роль пребольших или соборных братий

²² А. И. Алексеев, ведущий специалист среди современных исследователей творчества Иосифа Волоцкого, пишет, что дореволюционная интеллигенция сделала волоколамского настоятеля символом «начетничества, обскурантизма и религиозной нетерпимости» (Алексеев, 2010: 15).

в монастыре, говорит о них как о тех, кому «монастырское правление вручено» вместе с настоятелем, а если его нет, то и без него. Это означает, что им надо «попечение имети о монастырских винах нужных, заключающихся в спасении души» (Великие Минеи Четьи..., 1868: 570). Нам сразу хочется увидеть в слове «правление» знакомое значение. Как кажется, это слово могло обозначать административное управление монастыря, аналогичное нынешнему светскому. Однако следующие страницы Устава сразу уточняют эту миссию, призывая:

Старейшая же братия и съборная, иже приемше **исправления** монастырская с настоятелемъ, иже не сущу настоятелю, сами примете и съдръжите, но и прочюю братию понудите и поучайте и съветуйте, еще сия прияти и съдръжате... (там же: 571)

Можно ли предположить, что «исправление» здесь употребляется не в обычном смысле, как «изменение к лучшему», но — поскольку от братии требуют не менять, а удерживать — в одном из значений, которое находим в Словаре русского языка XI–XVII вв. (Словарь русского языка..., 1979: 291, знач. 6): полностью исполняйте, постоянно вершите сполна?

Конечно, этот термин можно встретить у Иосифа Волоцкого и в привычном смысле. Например, мы находим сохранившееся донныне значение слова «исправить» в смысле «искоренить грех». Про тех, кто не донес настоятелю или пребольшим братиям на согрешающего брата, говорится, что они братоубийцы: «Еже бо покрывати съгрешение, състрояти недугующему съмерть, да не вместо братолюбца братоубийца будет... Аще видиши брата съгрешающего и не речеши могущему его **исправить**, отъ руку твою кровь его Богъ възыщетъ» (Великие Минеи Четьи..., 1868: 579). Комментарий (The Monastic Rule of Iosif Volotsky, 2000: 261) указывает на правила общежития, которые во время Иосифа приписывались одному из основателей восточного монашества св. Василию Великому (Василий Великий, 1847: 196, 156, то есть вопросы 46 и 25, оригинал — PG 31: 1036AB и 983C), причем вопрос 25 цитировал строки из Библии (Иез. 3:20): «кровь брата с рук его възыщется» (Великие Минеи Четьи..., 1868: 579). Иными словами, монастырь — машина по исправлению греховной жизни, превращающейся в жизнь по святым правилам.

Сам корень *-прав-* в этом гибридно-церковнославянском тексте отсылает не только к правилам монашеской жизни или к каноническому праву (то есть к правилам Вселенских соборов церкви, апостолов и святых отцов), но и к физической процедуре исправления кривого. Иосиф

пишет, что нельзя налагать тяжкое ярмо на только пришедших к истине Христовой, иначе они переломятся от тяжести требовательных христианских законов:

...въскоре не налагати тяжкий ярем на пришедших по иго Христово, якоже глаголет святыи Григорие Богослов: ниже бо пруту мощно въскоре **исправитися** рукою, уязвить бо ся и преломиться, нежели **направитися**; ниже юнца сверепа и ненаучена въскоре под иго тяжко подвести, аще не прежде подь легкимь обучится (Великие Минеи Четьи..., 1868: 586).

То, что кривой прут нельзя исправить мощной рукой — так как он не направится в нужную форму, а уязвится, сломается, — говорится у св. Григория Назианзина, в известной многим 45-й гомилии (беседе) на Пасху. Слова ее перевода XII в. на церковнославянский даже цитируются в словаре Срезневского (Срезневский, 1902: 1614): «несть бо и пруту криву терпети напрасна исправления». Перед этим отрывком в переводе XII в. из Назианзина говорится, что Бог может неопытных «кротькъимь же и человеколюбъзною лечьбою оустроити на **оправление**» (Будилович, 1875: 255).

Сопоставим этот древний перевод с релевантными терминами в греческом тексте (PG 36: 640): «исправления» передает *orthōthēnai*, а «оправление» — *epanorthōsin*. Первое слово связано с глаголом *orthou*, второе — с *epanorthou*, с той же корневой основой. Первый глагол среди своих значений имеет «исправлять кривизну» (например, дерева, ростка). Такое словоупотребление можем найти, например, у Аристотеля, когда он говорит о добродетели как середине между крайностями в «Никомаховой этике»:

Мы должны следить за тем, к чему мы сами восприимчивы, ибо от природы все склонны к разному, а узнать к чему — можно по возникающему в нас удовольствию и страданию, и надо увлечь самих себя в противоположную сторону, потому что, далеко уводя себя от проступка, мы придем к середине, что и делают, например, исправляя кривизну деревьев (1109b7)²³.

Второй глагол, *epanorthou*, означал «восстановить, исправить, вернуть первоначальную форму», как, например, в «Панегирике» Исократы, где говорится про ошибку неразмещения войск афинян в Ионии и Лидии при войне с Персией («Наши предки допустили явный промах, но исправили (*epēnōrthōsanto*) его в тяжелых боях; а мы, если будем действовать умнее, подобной оплошности не повторим» (Исократ, Юнц, 1985: 61)). Также

²³Перевод Аристотеля приводится по изданию: Аристотель, 1976–1983.

встречаем этот глагол в диалогах Платона — например, в «Теэтете» (143a)²⁴, где Евклид говорит, что исправлял (*epēnōrthoumēn*) свои записи бесед с Сократом после того, как их записал, или в «Лакхете» (200b), где говорится: «а если и было что-то упущено, то это можно будет после поправить (*epanorthōsesthai*) вместе с Дамоном».

Исправить как кривой прут или кривое дерево (простая практическая ситуация из жизни, на которую ссылался Назианзин) не только напоминает иллюстрацию из «Надзирать и наказывать» Фуко, который скопировал из книги Николя Андри 1748 г., введшего в научный оборот термин «ортопедия», картинку, где было изображено криво растущее дерево, прикрученное для исправления его кривизны к прямой вертикально стоящей палке (иллюстрация показывала, по мысли Фуко, то, как рекомендовали исправлять плохо ведущих себя детей или неподчиняющихся (Фуко, Наумов, 1999: илл. 30)). Эта метафора из Григория Богослова также, возможно, указывает на то, почему слова с корнем *-прав-* обладали особой силой в Древней Руси. Конечно, такие слова, как «исправа» и «правеж» в деловом языке грамот и юридическом языке «Русской правды» не были связаны с «управителем» и «управлением» из церковнославянских текстов, как мы уже отмечали, ссылаясь на труды Виктора Живова. Но все эти слова, как и глаголы «правити/исправити/направити» были связаны с коннотацией прямого, то есть правильно направленного, а не искривленного стояния, с правдой, а не кривдой²⁵. В русском языке мы до сих пор можем использовать слово «ортогональный» как синоним слова «прямоугольный», и «орфо-графия» — как синоним «право-писания», сохраняя в них заимствованный греческий корень *orthos*. Не могло ли и слово «право-славие» (греч. *ortho-doxia*) сохранять память об этом греческом корне? Название религии Древней Руси содержало в себе слово, которое использовалось для обозначения прямого или правого мнения (доксы), то есть для обозначения прямо-славия и прямо-верия, а не криво-славия или криво-верия. Если это так, то становится ясным, почему глоссарий связанных терминов «правити/направити/исправити» так подходил для описания монастырской жизни.

²⁴Перевод Платона приводится по изданию: Платон, 1994.

²⁵Виноградов цитирует (Виноградов, 1998: 767) договорную грамоту 1428 г. между великим князем Василием Темным и галицким и звенигородским князем Юрием Дмитриевичем: «Што будет **право** взято, то остало, а што будет криво взято, то отдати по **исправе**» (оригинал см.: Духовные и договорные грамоты..., 1950: 65, 67).

Туда же попадает и слово «управити», которое Иосиф Волоцкий использует в своем Уставе в знаменательном месте, где говорит:

...всяко тщание и всякъ подвигъ покажемъ о манастырьскомъ и иноческом устроении и благоговействе: не мощно бо единому настоятелю сего **управити**, аще и не прочая братиа спостражуютъ ему, паче же приемшеи правления манастырская... Глаголетъ бо ся в божественей Лествице: не может убо единъ кърмчий корабль безъ корабническаго споспешения ис пучины спасти; такоже не мощно единому пастырю безъ пасомыхъ споспешества паствы **управити** (Великие Минеи Четьи..., 1868: 573–574).

Хочет ли он сказать, что без помощи (то есть «споспешества») братьев настоятель один не справится с управлением монастырем, как перевели бы это сейчас в бизнес-школе? Или смысл здесь в том, что он в одиночку не сможет направить корабль монашеской жизни в праведном направлении, когда можно будет «паству управити», то есть наставить на правый путь?

Цитируемые здесь Иосифом строки 7-й главы «Слова к пастырю», печатаемого обычно в конце «Лествицы», почти теми же словами передает и перевод митрополита Киприана (1392), который много раз копировали московские монастыри: «неможет единъ кърмчий (*kubernētēs*) бескорабничьскаго съспешения (*sunergeias*) корабль спасти»²⁶. В оригинале Иоанн Лествичник употребляет слово *diasosasthai*, от глагола *diasōzō* («сохранить от бед, спасти сквозь невзгоды»), который, в свою очередь, напрямую связан с глаголом *sōzō* («спасти»), как он часто используется не только в «Лествице», но повсюду в Библии для обозначения христианского спасения. В свою очередь, волоколамский игумен добавляет к изложению Киприана выражение «управити паству» там, где объясняет, что такое «корабль (жизни монастыря) спасти», тем самым связывая «управити» напрямую с библейским «спасти». Когда монастырь метафорически сравнивается с кораблем, то настоятель как кормчий может управить его, то есть направить в правильную, правую, праведную, Божию сторону только с помощью правил-норм монастырской жизни.

Такая тенденция — использовать древнерусское слово «управити» в контекстах, где греческий текст оригинала говорил бы прежде всего о церкви и христианском спасении, видна и в другом очень значимом тексте Иосифа. Это «Отрывок из послания к великому князю»,

²⁶Лествица отца Иоанна..., 2011: 1820б; греческий текст — PG 88: 1184A.

где обращающийся к земской власти монах последовательно копирует выражения и метафорику поучения диакона Агапита императору Юстиниану (VI в. н. э.) из древнерусского перевода, доступного Иосифу. Комментарии обычно замечают, что текст Иосифа здесь повторяет известный тезис Агапита, что своей властью царь подобен Богу, хотя естеством подобен человеку. Для нас же более интересен тот факт, что Иосиф снова использует образ корабля жизни, через пучину которой его ведет многоокий ум царя:

Якоже кормчий бдит всегда, тако и царьски многоочиты твой ум съдрьжит твердо добраго закона (греческий оригинал — *eunomias*) правило, иссушаа крепко безакониа (*anomis*) потоки, да корабль всемирныа жизни (*pankosmios politeia*), сиречь всеблагаго царствия твоего, не погрязнет волнами неправды (*adikias*)²⁷.

Глагол «управити», однако, возникает вне прямого использования метафоры корабля жизни и во вставке авторского текста Иосифа, аналога которому мы не найдем в греческом оригинале Агапита. Иосиф Волоцкий вдруг отступает от стратегии последовательного и буквального копирования Агапита, чем характеризуется этот его текст²⁸. Он пишет:

Якоже страшное и всевидящее око небеснаго царя всех человек сердца зрит и помышление веси, такоже и царское твое остроумие болшу имат всех силу: изрядне **управиши** благое свое царствие, и страшен будеши сана ради и власти царския и запретиши не на злобу обращаться, но на благочестие (Послания Иосифа Волоцкого, 1959: 184).

Лурье и Бежанидзе считают, что при написании именно этого фрагмента из «Отрывка» Иосиф опирался на главу 41 древнерусского перевода Агапита²⁹, который в рукописи XV в. примыкал к сборнику поучений аскетического характера «Книга, глаголемая кормчий, рекше правитель душевный» (книга эта была популярна и в середине XVI в. внесена митрополитом Макарием в Великие Четьи Минеи).

Глава 41 из того перевода звучала так: «Якоже око всадится в телеси, такоже и царь в миру причта от Бога данъ, на составление полезным подобаеть убо ему, яко своим удомъ, всемъ человекомъ прияти, да

²⁷Послания Иосифа Волоцкого, 1959: 184; греческие термины — по Sevchenko, 1954: 161.

²⁸Уже Яков Лурье в 1959 г. привел все соответствия между этим «Отрывком» и поучениями Агапита, указав номера глав и куски текста из Агапита, которые цитировал Иосиф; в недавней диссертации Георгий Бежанидзе еще раз перепроверил соответствия.

²⁹Выражение «страшен... сана ради» находим, однако, в 43-й главе (48 по полному списку) — см. Лобакова, 2006: 292.

успеют на добро и не потыкаются на зло» (цит. по: Послания Иосифа Волоцкого, 1959: 260; Бежанидзе, 2024: 109) Оригинал, таким образом, гласил: как глаз всажен в тело, так и император — в мир: он дан от Бога, чтобы вместе с Богом совместными трудами (*synergeian*) обеспечивать пользу³⁰. Подобаает ему принять бережное отношение ко всем людям, то есть «о всех человецех промышляти»³¹ как о членах своего тела, чтобы они поспевали в сторону добра и не спотыкались о зло. Почему в интерпретации этой мысли Агапита Иосиф вставляет от себя фразу про «управити свое царствие»? Греческий оригинал говорил о *panton anthropon pronoien* (PG 86.1: 1177; то есть «заботиться о всех человеках») — по-видимому, в том же смысле, в каком в Библии глагол *pronoiein* употребляется в 1 Тим. 5:8: «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется (греч. *pronoie*, церк.-слав. „промышляет“ — О. Х.), тот отрекся от веры и хуже неверного». Иосиф кроме заботы и приятия человеков, промышления о них добавляет в текст понятие управления. По-видимому, в том смысле, что «управити царство» — это значит направить царство на путь истинный, обратить людей к благочестию, как он буквально говорит, то есть озаботиться будущим спасением людей в загробном мире. Не в этой ли добавке заключается вклад Иосифа в усовершенствование мысли Агапита для целей его дня?

ПРАВИТИ И СПАСАТИ

Итак, Иосиф последовательно и интенсивно пользуется терминами типа «ис-правити» и «у-правити» для передачи коннотации направления христианина на правильный путь, иногда добавляя глагол «управити» при адаптации переводов важных византийских текстов для русского употребления. Посмотрим и на еще один пример подобной добавки Иосифа в другой очень важный греческий текст.

В 13-м слове «Просветителя», задача которого — убедить князя применить мирские казни к еретикам, Иосиф пишет:

Велие убо есть в человецех дарование Божие свыше дано человеколюбне, священничество же и царство: ово убо божественных служба, овоже человеческими обладая пекийся. Подобаает приемшему от вышняго повеления

³⁰Образ, что император является со-трудником Бога, синергетически трудится с ним вместе, часто встречается в текстах эпохи Юстиниана (см. Agapetos, Ball, 2009: 114, fn. 59).

³¹Такими словами передается тот же кусок из Агапита в более позднем переводе, которым не пользовался Иосиф, но пользовался составитель жития св. Филиппа (Колычева) в конце XVI в. (см. Лобакова, 2006: 285–296).

правления человеческого рода, нетокмо о своих пещися и своего жития **правити**, но и все обладаемое от треволнения спасати, и многогреховного смятения³².

Приведенная цитата во многом является пересказом Преамбулы к 6-й Новелле императора Юстиниана — знаменитому тексту, где в кратком изложении была представлена теория благого согласия, или «симфонии», светской и церковной власти в Византийской империи. Бежанидзе в своем комментарии к рецепции теории этой симфонии на Руси подчеркивает, что из двух возможных интерпретаций — императора Юстиниана, где светская ветвь власти главенствует на духовной, и патриарха Фотия, где они вместе трудятся над спасением врученного им человечества как равные со-трудники, — Иосиф выбирает первую (Бежанидзе, 2024: 114, 118).

Текст этой Преамбулы был хорошо знаком книжникам Древней Руси. Труды Елены Беляковой и ее коллег показали, что «в XIII веке возник русский извод Кормчей путем контаминации древнеславянской и сербской редакций Кормчей книги. [...] Текст Преамбулы в русских редакциях Кормчих повторяет древнеславянскую версию перевода»³³. Эта версия в Ефремовой Кормчей звучала так:

Велии в человецех соуть дари Бъжии. Съвыше данааго човеколюбия священие же и царство, ово оубо бъжъственнымъ слоужа, ово же чловецьскими обладая и прилежащее и от единого и того же начала обоє происходя, чловецьское оукрашаета житие. Яко аще тако будет тъцанено царем, или о нихъ онемъ присно Бога молять. Аще убо непорочна боудет въсьде и к Богу имать дързновение, аще ли право и подобно оукрашаеть преданое ему житие, будет съвещание некако, все еже добро чловецьскому подая роду (Бенешевич, 1906: 740).

³²Иосиф Волоцкий, 1896: 484. Современный перевод: «[Так же говорит и святой Григорий, епископ Акраганский, в завещанных им правилах:] великое дарование Божие людям, данное свыше по човеколюбию, — священство и царство: одно служит Богу, другое, властвуя, печется о человеческом. Тому, кто принял от Вышнего повеление управлять человеческим родом, подобает не только о своем заботиться и свою жизнь управлять, но и все, чем владеет, спасать от треволнения и многогреховного смятения[, ибо отовсюду угрожают нам лукавые духи и смущают наше смиренное тело]» (Иосиф Волоцкий, Кравец и Медведева, 1993: 323). Упоминаемый Иосифом св. Григорий, епископ Агригентский, — византийский святой VI в.; в русском переводе Новеллы, которым пользовался волоколамский подвижник, ему ошибочно приписывалось авторство этого изречения. Иосиф называет этот текст «правильными завещаниями», а не «завещанными правилами», то есть это заветы для выправления жизни по правилам.

³³Белякова и др., 2017: 9, 48–49; цит. по: Бежанидзе, 2024: 98.

В данной версии термин, обозначающий симфонию или «доброе согласие» между светской и церковной властью, переводится как «сообщение некое».

Русский современный перевод Преамбулы 6-й Новеллы Юстиниана (где в скобках приводятся релевантные греческие термины из оригинала) дает возможность разобраться в деталях как текста Ефремовой Кормчей, так и текста Иосифа в 13-м слове «Просветителя»:

Величайшими у людей дарами Божиими, данными свыше по человеколюбию, являются священство и царство. Первое служит делам божественным, второе начальствует и наблюдает над делами человеческими; и то, и другое происходит от одного начала и гармонично обустраивает (*katakosmoussa*) жизнь человеческую — и ничто так не важно для царствующих, как почет иереев, которые за них вечно молят Бога. Ибо если первое будет совершенно безукоризненным и удостоится у Бога благорасположения (*parresias*), а второе будет по справедливости и подобающим образом обустраивать (*katakosmoiē*) порученное ему государство (*politeian*), то наступит некое доброе согласие (*sumphōnia tis agathē*), которое обеспечит все какие ни есть блага роду человеческому³⁴.

Мы видим, что первая часть изречения Иосифа из 13-го слова «Просветителя» повторяет текст Преамбулы вплоть до слова «пекийся» (см. таблицу 1). При передаче данного места из Преамбулы этот глагол — «печься» в смысле «заботиться» — мы не находим в Ефремовой Кормчей, но он встречается в русских Кормчих книгах Софийской редакции; в частности, в рукописи XVI века: «...ово убо божественным служба, ово же человеческими обладая и пекыися»³⁵.

Но более важно то, как во второй части процитированного отрывка из 13-го слова Иосиф прибегает к творческой переработке текста, вводя существительное «правления» и глагол «правити», чего также не было в Ефремовой Кормчей. Нельзя отрицать такой возможности, что Иосиф не сам добавил эти слова из вокабуляра правления-исправления-управления, а мог просто списать релевантные термины с другого, более раннего источника, текст которого, по его мысли, адекватно продолжал смысл сказанного в Преамбуле к 6-й Новелле Юстиниана.

³⁴Максимович, 2007: 30–31. Конец цитаты из этой Преамбулы передает идею симфонии светской и духовной власти.

³⁵ОР ГИМ. Барс. 158. Л. 109; цит. по: Бежанидзе, 2024: 120.

ЕФРЕМОВА КОРМЧАЯ, XII В.	ПОСЛАНИЕ ИНОКА АКИНДИНА, ОК. 1312–1315 ГГ.	СЕРБСКАЯ КОРМЧАЯ, ПЕРЕПИСАННАЯ В РЯЗАНИ, 1284 Г.	ИОСИФ ВОЛОЦКИЙ, СЛОВО 13 «ПРОСВЕТИТЕЛЯ», НАЧ. XVI В.
<p>Велии в чело- вех соуть дари Бъжии. Съвыше данааго чело- веклоубия священие же и царство, ово оубо бъжъствен- нымъ слоужа, ово же чело- вечьскими обладая и от единого и того же начала обою прои- сходя, чело- вечское оукрашае- та житие. Яко аще тако будетъ тѣ- шанено царемъ, или о нихъ онемъ присно Бога молять. Аще убо непорочна боудетъ въсьде и к Богу имать дърз- новение, аще ли право и подобно оукрашае- тъ преданое ему житие, будетъ съвещание некако, все еже добро чело- вечьскому подае роду.</p>	<p>Святительство бо и царство съединемъ и бес порока законныя уставы твердо и неподви- жимо дол- жны суть держати и творити, ово бо божествен- нымъ сло- ужа, ово же чело- вечьскими обладая; единомъ же началомъ веры и закономъ обою прои- сходя, чело- вечское оукрашае- тъ житие. Тако да будетъ тѣшане и тебе, держав- ный бого- любче, еже святитель чистота и к Богу дързнове- ние, аще право и подобно имуть житие и добрь имуще разумъ божествен- ныхъ писаниихъ, [мог]уще ерети- комъ заградить уста и священ- ные каноны видети и творити.</p>	<p>Великая паче инехъ иже в чело- вечех еста дара Божия, от выш- няго дарована чело- веклоубия Божия, священ- ничество же и цар- ство: ово оубо божествен- нымъ слоужа, сеже чело- вечьскими владеа и пекиися. Отъ единого же и тогожде нача- ла прои- сходятъ чело- вечское оукра- шающа житие. Якоже ничтоже такое бываетъ по- спешнее царству сега ради якоже святитель- ская честь. Отъ обоихъ самехъ техъ присно вси Богове молятеся. Аще бо они не по- рочни боудутъ во всемъ, и къ Богу имуть дързнове- ние, и праведно и подобно оукра- шати начнутъ преданья имъ грады, и соущая подними. Боудетъ согласие некое бла- го, все еже добро чело- вечьстей даруа жизни.</p>	<p>Велие убо естъ в чело- вечех даро- вание Божие съвыше дано чело- веклоубно, священ- ничество же и цар- ство: ово убо божествен- нымъ слоужа, овоже чело- вечьскими обладая пекийся. <i>[Добавка от Иосифа:]</i> Подобае- тъ при- емному от выш- няго повеле- ния правле- ния чело- вечьского рода, не- токмо о своихъ пецихъ и своего жития правити, но и все обладае- мое от тре- волне- ния спаса- ти, и мно- гогрехо- вного смяте- ния.</p>

Таблица 1. Версии переводов Прембулы к 6-й Новелле Юстиниана

Для понимания степени новизны употребления этих слов посмотрим на другой классический пример из русской истории, когда монах писал к светской власти, побуждая ее вмешаться в церковные дела. Это послание инока Акиндина, который обращается в нач. XIV в. с увещанием к князю Михаилу Ярославичу Тверскому — и это, похоже, первый случай в письменности Северо-Восточной Руси, когда кого-то среди местных князей называют «царем» — для того, чтобы тот «тщание» имел и вмешался в дела церкви с целью остановить симонию, то есть поставление в священники за мзду. Акиндин не использует термины «правление» или «правити», хотя этот инок тоже цитирует Преамбулу:

...святительство бо и царство съединениемъ и бес порока законныя уставы твердо и неподвижимо должни суть держати и творити, ово бо божественымъ служба, ово же человеческими обладая; единомъ же началомъ веры и закономъ оное происходит, человеческое украшаетъ житие (Акиндин, 1880: 155).

Правда, далее Акиндин использует однокоренное им слово, когда пишет о том, что князь должен помочь установить «право житие» среди святителей:

Тако да будетъ тщание и тебе, державный боголюбче, еже святитель чистота и к Богу дерзновение, аще **право** и подобно имуть житие и добръ имуще разумъ божественных писаниихъ, [мог]уще еретикомъ заградить уста и священные каноны видети и творити (там же).

Сравнение этих двух текстов, написанных с одинаковыми целями — подтолкнуть русских князей вмешаться в дела церковные, как вмешивались цесари византийские, — приводит к следующему. Во-первых, Иосиф берет образы из древнеславянского перевода Преамбулы к 6-й Новелле Юстиниана, которые повторяет и Акиндин. Оба пишут, что надо украшать житие или иметь житие право и подобно (в смысле, что оно будет подобно Божиему, подражать ему, как жизнь монахов). Но Иосиф называет это житие по-новому, «правлением человеческого рода», когда надо «житие правити». Слово «правление» здесь все еще может пониматься как выправление или направление жизни, житие по «правильным завещаниям», как Иосиф называет документ, откуда взял строки Преамбулы.

Во-вторых, метафора украшения не должна нас удивлять. Глагол *katakosmeo*, дважды употребляемый в греческом тексте Преамбулы, имеет не только значения «прилаживать, приводить в порядок, устраивать», но и «прибирать, украшать». В сербском переводе, легшем в основу

Рязанской Кормчей, неоднократно копировавшейся начиная с XIII в., последние строки Преамбулы 6-й Новеллы Юстиниана переводились как «аще бо они не порочни будут во всем, и к Богу имут дързновение, и праведно и подобно украшати начнутъ преданные имъ грады, и сущая подъ ними будет согласие некое блага, все еже добро человечестей даруя жизни» (Розенкампф, 1829: 24). Этот перевод кажется более точным современному носителю русского языка: он требует обустроить-украшать (*katakosmoiē*) грады (*politeian*), переданные царю-императору, а не просто «украшать преданное ему житие», как те же самые греческие слова передает перевод Ефремовой Кормчей XII в. Не содержится ли и в тексте Иосифа возможность такой конкретизации, когда он говорит о «правлении человеческого роду» как о задаче «житие правити», то есть «от треволнения спасати»? Спасти, как мы помним, есть его конечная цель, а для этого надо направить корабль жизни в нужном направлении, чтоб он шел по правилам святых отцов и апостолов.

В-третьих, вторая часть интерпретации волоколамским игуменом Преамбулы («Подобает приемшему от вышняго повеления правления человеческого рода, нетокмо о своих пешися и своего жития правити, но и все обладаемое от треволнения спасати, и многогреховного смятения» (Иосиф Волоцкий, 1896: 484)) сильно напоминает строки в его же «Отрывке из послания к великому князю» («Подобает же ти, благочестивый царю, всяко тщания и о благочестии имети и сущих под тобою от треволнения спасати, душевна и телесная...») (Послания Иосифа Волоцкого, 1959: 184)), причем термин «тщание» упоминается, как мы помним теперь, и в переводе Преамбулы в Ефремовой Кормчей, и у Акиндина³⁶.

Почти тот же самый текст приводится в послании Иосифа к великому князю Василию III, побуждающем того к светским казням еретиков. Василий III должен последовать, по мысли волоколамца, славному примеру своего отца Ивана III, который сжег еретиков в 1504 г.:

Вам же подобает, приемши от вышняго повеления правленья человеческого рода, православным государем, царем и князем, не токмо о своих пешися и своего точью жития правити, но и все обладаемое от треволнения спасти и соблюдати стадо его от волков невредимо, и бояться серпа небесного,

³⁶Эту часть «Отрывка» не идентифицировали как часть «Поучений» Агапита (см. Послания Иосифа Волоцкого, 1959: 261; Бежанидзе, 2024: 110). Привожу окончание этого куска в «Отрывке» — про виды треволнения, которого нет в 13-м слове «Просветителя»: «и душевное бо есть треволнение еретичское учение, телесное ж есть треволнение татба и разбойничество, хищение, и неправда, и обиды, и проча злаа дела, иже убо телеснее врежают, а не душевное» (Послания Иосифа Волоцкого, 1959: 184).

и не давати воля злотворящим человеком, иже душу с телом погубляющим (Послания Иосифа Волоцкого, 1959: 230).

Почти те же формулировки находим и в письме Иосифа Волоцкого удельному князю Юрию Ивановичу (младшему брату Василия III) о помощи населению во время голода. Но поскольку он пишет удельному, а не великому князю, Иосиф заменяет «правленье человеческого рода» на «правленье своего отечества», то есть его вотчины, полученной от отца: «Тебе же, православному государю, приемшему от вышняго повеления правленье своего отечества, не токмо о своих пещись и своего точью жития правити, но и все обладаемое от треволнения спасти и съблюдати, и от нужа и скорби и от бед избавляти» (там же: 234, 284).

ДАЛЬНЕЙШАЯ ЖИЗНЬ «УПРАВЛЕНИЯ»

Насколько сам Иосиф важен и оригинален во внедрении в русское словоупотребление морально-нравственного словаря с терминами «правити-управити-направити» при описании миссии великого князя или царя, покажет сравнение его текстов с другими плодovitыми авторами того века — например, с Максимом Греком и др. Для нас важно другое: что инновации, подобные тем, которые мы находим в творчестве Иосифа, возможно, отражали изменения представлений о миссии верховной власти или, наоборот, предписывали эти изменения. Возможно, происходило и то и другое, переплетаясь в трудно разделяемой на части языковой игре, в которую справно были вписаны не только управляющие кораблем нашей жизни, но и те, кто помогал им и правым словом, и праведным делом.

Еще Яков Лурье отмечал, что отрывок письма волоколамского настоятеля Василию III про царское правление, которое должно «житие правити» всего человеческого рода, а не только свое, приобрел особую популярность в «публицистике XVI в.», например, у митрополита Макария (там же: 281). Конечно, нам не стоит поддерживать явный анахронизм в интерпретации Владимира Вальденберга (Вальденберг, 2008: 164), который писал, что несмотря на некоторые противоречия в учении Иосифа Волоцкого — такие, как учение о царе-мучителе, которому нужно сопротивляться, — общей целью осифлян было подчинение церкви государству. В этом ключе Вальденберг пишет и о самом начале преследования новгородско-московской ереси, послании новгородского архиепископа Геннадия:

В послании 1489 г. к ростовскому архиепископу Иоасафу, написанном по поводу ереси жидовствующих, Геннадий убеждает его молиться о великом князе, чтобы «государю Бог положил на сердце, чтобы **управил церковь Божию**, а православное бы христианство от еретического нападания» (Вальденберг, 2008: 166)³⁷.

Приписывание архиепископу Геннадию или Иосифу Волоцкому желания подчинить церковь государству выглядит анахронизмом, потому что в ту эпоху еще не существовало «церкви» и «государства» как отдельных сущностей. «Царство» одновременно было и общиной верующих. Именно на этом основании Иосиф Волоцкий и Геннадий (как и Акиндин за два столетия до них) могли наставлять великого князя вмешаться в дела, связанные с верой, побуждать его покарать еретиков и т. д. Таким образом, в цитате из Геннадия слово «управити» используется в знакомом для нас значении: пусть государь направит церковь, то есть даст ей жить по Божьим правилам, защитит от нападения еретиков. Здесь еще далеко до мысли о том, чтобы царь управлял церковью таким образом, как цари правили ею в синодальный период ее истории — как еще одним министерством; но, возможно, церковные иерархи — хотели они того или нет — уже делали первые шаги в этом направлении.

В трудах митрополита Макария (ок. 1482–1563) мы явно видим переходный характер этого словоупотребления. Начиная с написанного в 1527 г. послания Макария как архиепископа новгородского к Василию III о поддержании правил общежития в новгородских монастырях, он пишет об управлении делами духовными в обычном для священников смысле — как о необходимости их выправления-исправления. В середине своей духовной карьеры он все так же иногда говорит о себе как об «управителе духовных дела», но в письме о молебнах об избавлении от голода (1557) говорит об Иване Грозном как о человеке, который управляет земскими делами (Макарий (Веретенников), 2001: 127). Не будет ли, однако, слишком поспешным заключить, что после всех лет, когда Макарий писал о своем управлении-исправлении жизни православных, он наделил такой способностью и великого князя, когда тот стал после венчания царем, то есть аналогом византийского цесаря? И что термин «управление» после того, как его к себе стал применять и Грозный, теперь переходит постепенно в новое качество: он применяется уже и к чисто земским делам, а вскоре после Грозного начинает применяться преимущественно к ним?

³⁷Послание Геннадия см. в: Казакова и Лурье, 1955: 317.

Посмотрим внимательнее. В 1527 г. Макарий пишет Василию III: «вся церковнаа и монастырское благочинье и благостояние в всех церквах и монастырех боголепно и благообразно **управление** имуть, твоим царским остроумием и богоданной ти ревности, государю и самодержцу царю» (Макарий (Веретенников), 2001: 6). Мы узнаем образы острого зрения и ума, нужного цесарю для того, чтобы провести корабль жизни через пучины треволнений. Письмо призывает: тебе надо вмешаться, чтобы покарать бесчиние в Новгороде и Пскове, как ты покарал уже новгородских еретиков! Риторика «треволнения» и «подобает тебе», как у Иосифа Волоцкого в 13-м слове «Просветителя» и «Отрывке из послания к великому князю», нам уже знакома. Цари спасают от треволнений, а святители параллельно им направляют-исправляют. Макарий побуждает:

...упраздни некое бесчиние, своим царьским повелением. Тебе б должно, государю и самодержцу, от треволнения спасти и съблюдати, також и нам, богомолцем твоим, попеченье имети о своей Богом порученей нам пастве, о святых Божиих церквах, и честных монастырех, и о всех православных христианах, о едиnorodных и безсмертных их душах, и **исправлявати** и учити по Божественному Писанью Святых Апостол и Святых Отец седми Соборов и поместных, и обращати съгрешающих на покаянье.

Конец того послания упоминает и исправления, и управления:

И Бог дал те монастыри полны и чином исполнены, твоим государьским жалованьем и устроением. И которма, государь, недостатки в тех монастырех, ино их мощно **исправити** по Божественному Писанью, а инья, государь, недостатки дал Бог посяместа **поуправлены** ж (там же: 7).

Мораль сего послания? Грешащие монастыри исправь, великий князь, с нашей помощью и по нашему указанию, а иные на путь истинный будут направлены сами по себе.

В 1539 г. архиепископ Макарий пишет митрополиту Иоасафу, и из текста ясно, что хотя речь идет о чисто церковных делах — о назначении епископов и ведении церкви в правильном направлении, — выражение «дела управляти» находится уже очень близко к концепции любого администрирования, а не только исправления грехов, так как разрешает любые церковные дела управляти:

Каково Божие великое дело восхоцет учинити по святым Божественным правилом, преосвященный господин и отец наш Иоасаф, Митрополит всея России, соборне, архиепископа и епископа поставит, или которая иная церковная

дела **управляти** с нашею братьею, со архиепископы и со епископы [...] ради утверждения православный истинныя крестьянския веры, и яз господину своему пресвященному Иоасафу, Митрополиту всея России, даю свою волю и хотение (Макарий (Веретенников), 2001: 27).

Когда Макарий становится митрополитом, а в 1547 г. великий князь впервые венчается на царский (цесарский) трон, Макарий в чине венчания Ивана воспроизводит терминологию Иосифа Волоцкого «правити-правление» из 13-го слова «Просветителя»³⁸. Правда, образность чина венчания больше опирается на послания Иосифа к князьям, как великому, так и удельному. Чин венчания Ивана IV гласит:

Вам же подобает, приемше от Вышняго повеление, **правление** человеческого рода, православных царей, не токмо о своих пещися и свое точию житие **правити**, но и вся обладаемое от треволения спасати и соблюдати стадо его от волков невреждимо и боятися серпа небеснаго, и не давати воля злотворящим³⁹.

После поставления в митрополиты Макарию приходится заниматься обширным администрированием в церкви и церковным судом. Возможно, лексика его церковнославянского письма становится все более полисемичной: у этих слов появляются и светские значения. Помня, что в деловом языке древней Руси слово «исправа» означало суд, а «управа» — рассмотрение дела, можем уже прочесть его послание от 1548 г. как говорящее о простом администрировании деревень, входящих во владения монастыря:

И по сем прочтоша свидетелство о чудотворце Пафнутии, яко многии чудотворцы села имели у святых церквей и у монастырей, и слуги и всякие люди работные и свободные и судили, и **управляли**, бесчинных же и непокоривых и в темницы затворяли ко исправлению спасения их ради (там же: 70).

³⁸Барсов торжественно написал о Поучении митрополита к царю при венчании, где находим этот отрывок, что оно было «чисто русской особенностью»: «Это был голос самой [Русской] церкви, дышавший священной важностию и говоривший свойственным ей языком» (Барсов, 1883: xxix). Однако многие куски текста из Поучения (после интересующего нас отыжка про «Вам же подобает, приемше правление человеческого рода...») являются точными цитатами из популярного на Руси поучения императора Василия Македонянина своему сыну Льву (см. Лопарев, 1887). Возможно, после этой статьи мы тоже найдем византийский или русский источник, откуда Иосиф Волоцкий взял свои строки.

³⁹Макарий (Веретенников), 2001: 50; также см. Дополнения к Актам историческим..., 1846: 49, № 39.

Такое же, «судебное» значение, похоже, находим в послании 1552 г. в Свяжск, к войску под Казанью. Здесь, видимо, может подразумеваться под «управлением» защита по суду, исправление неправды:

Заповеди же Его [Бога] не суть тяжки, токмо еже имети истинная правда, и [...] любовь нелицемерная ко всем, и суд праведный, и бедным заступление и скорое **управление**, и пленным свобождение, и чистота душевная вкупе же и телесная хранити и блюсти со всяким опасением, всегда воспоминаючи смертный час и страшный суд в Христово пришествие (Макарий (Веретенников), 2001: 89).

В 1555 г. Макарий пишет архиепископу Павлу Виленскому про мир между христианскими государями: «И вам ведомо гораздо, что мы всех мирских и яже суть в мире, отрекохомся, но разираем и разсмотрим и **управляем духовная**; а такие дела меж государей делаются с обе стороны бояры и паны, ближнею их думою» (там же: 114). Смысл его послания, однако, в том, что хотя он как духовное лицо отрекся от мира и управляет только духовными делами и духовенством, ему сейчас придется вмешаться в дела светские, так как если не заботиться об овцах своих, то Макарий будет как наемник при своем стаде, а не пастырь, и его покарает за это Господь.

Если сравнивать словоупотребление Макария в начале и конце его жизни, можно увидеть, как сильно оно изменилось. Если в 1527 г. он писал о монастырях как именно о той сфере, где есть «управление» (монастыри управлены, если пребывают в праведном порядке, став такими сами собой или после вмешательства великого князя), то в 1557 г. он пишет уже не о монастырском, а о «земском управлении». В этом письме к Пимену, владыке новгородскому, по поводу Божьего «прещения гладного» (то есть голода как наказания за грехи), Макарий призывает молиться с Иваном Грозным вместе:

Благочестивый же и христоробивый царь государь князь великий Иван Васильевич, всеа Руси самодержец, о том страшном Божии прещении велми опечалися, належащаго ради на нас гнева и глада, и [...] с своею благочестивою и христоробивою царицею великою княгинею Анастасеею, и с своими богодарованными чады, и с своею братьею, и со всем синклитом, великими труды подвизался о **управлении земском** и о **праведном** суде, с великою честью и молитвою и прочими добродетelmi (там же: 127).

Из контекста трудно заключить, включает ли земское управление в себя и праведный суд или они рядоположены как две отдельные сферы — земское и святое. Но и второе прочтение уже возможно. Иван IV,

ставший первым царем, как бы наследуя титул византийских императоров, перенимает и всю пастырскую риторику для описания святых обязанностей императора-цесаря-царя. И если с митрополитом Макарием он готов со-пастырствовать, то после устранения «синклитов», то есть советников, названных Грозным вслед за Макарием опять же по их византийскому титулу (коих он обвинил чуть ли не в узурпации власти и коих Андрей Курбский, напротив, называл «Избранной Радой»), он готов отказаться и от советов следующего митрополита, св. Филиппа (Колычева), который слишком упорно напоминает о долге совместной пастыби (см. Хархордин, 2022: 177, 179). Грозный готов управлять паству, то есть направлять ее на путь правления и исправления, один. И не начинается ли здесь та эпоха, когда термин «управление» применяется теперь прежде всего к описанию миссии царя?

Конечно, речь еще не идет о чистом администрировании без всякой духовной компоненты. Но первые шаги делаются и в этом направлении. В первом послании Курбскому Грозный пишет:

Смотри же убо се и разумей, како **управление** составляется в разныхъ началех и властех, понеже убо тамо быша царие послушны епархом и синклитом, и в какову погибель приидоша. Сия ли убо и намъ советуеши, еже к таковой погибели прийти? И сие ли убо благочестие, еже не строити царства, и злодейственныхъ человек не възстити, и к разорению иноплемненныхъ подати? Или речеши ми, яко святительская поучения тамо приимаху? Ей благо и прикладно! Но ино убо еже свою душу спасти, ино же многими душами и телесы пещися; ино убо есть постническое пребывание, ино же во общемъ житии сожитие, ино же святительская власть, ино **царско правление**⁴⁰.

Управление теперь «составляется в разных властех», — а мы бы сказали: есть «у» разных властей и у разных начальников. Термин становится применим не только к духовной жизни (где пустыnnики живут в «пребывании», общежительные монастыри — в «сожитии» и святители имеют свою власть, включая правление-исправление, идущее от них), но

⁴⁰Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, 1979: 23–24. Перевод: «Посмотри на все это и подумай, какое **управление** бывает при многоначалии и многовластии, ибо там цари были послушны епархам и вельможам, и как погибли эти страны. Это ли и нам посоветуешь, чтобы к такой же гибели прийти? И в том ли благочестие, чтобы не управлять царством, и злодеев не держать в узде, и отдаться на разграбление иноплемникам? Или скажешь мне, что там повиновались святительским наставлениям? Хорошо это и полезно! Но одно дело — спасти свою душу, а другое дело — заботиться о телах и душах многих людей; одно дело — отшельничество, иное — монашество, иное — священническая власть, иное — царское правление» (там же: 134).

и к земскому управлению, где цари «строят царство». В прежней лексике XII–XIV вв. можно было бы сказать, что цари его «украшают», «обладают» человеческими делами, то есть властвуют, и «пекутся» о них.

Риторика Грозного хорошо следует заветам, данным при его венчании — он знает, что существует такая сфера дел, как «царское правление». Он настолько, похоже, хорошо это усвоил, что долг или призвание правления Грозный готов оставить только в своей сфере обязанностей. По крайней мере, он забирает его у высшего духовенства лингвистически, что его письмо Курбскому подчеркивает, закрепляя термин «правление» за царем:

...святительская же власть требует зельнаго запрещения языком по благословней же вине и ярости, славы и чести, и украшения, и председания, еже иноком неприлично; **царскому же правлению** — страха, и запрещения, и обуздания, и конечнейшаго запрещения по безумию злейших человек лукавых⁴¹.

У главного эпистолярного оппонента царя не найти такого противопоставления. Святители, по Курбскому, управляют-направляют паству на дела праведные, но и правоверные цари могут тоже этим заниматься. Так, Курбский во втором послании старцу Вассиану Муромцеву упоминает св. Амвросия Медиоланского, который в своем граде «благочестием кормила управлял»⁴². Это следует старому привычному словоупотреблению, в котором управление в смысле окормления и заботы о благочестии населения есть забота епископа. Однако то время прошло, продолжает Курбский, Запад рухнул в ереси, и свежая истинная христианская вера расцвела на Руси. В принципе должно было быть так: на Руси «державные, призванные и на власть от Бога поставленны, да судом **праведным** подовластных разсудят и в кротости и в милости державу **управят**». В этой фразе можно увидеть традиционную византийскую модель симфонии светской и духовной власти — цари помогают Христовой Церкви управлять души в нужном направлении. Но так как русские в последнее время не слушают Бога, закрыли уши, словно змеи, и слушают дьявола, то Бог наслал на них кару. Святители погрязли в роскоши

⁴¹Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, 1979: 24. Перевод: «...священническая же власть требует строгих запретов словом за вину и зло, славу, и почести, и украшения, и подчинение одного другому, чего инокам не подобает; царской же власти позволено действовать страхом, и запрещением, и обузданием и строжайше обуздать безумие злейших и коварных людей» (там же: 134).

⁴²Цит. по: Курбский, 2026.

и угождают царю, не заступаются за невинных. Царь же ведет себя «свернее зверей кровоядцев», посылая муки и смерти на подвластных ему, и грех его — «нерадение державы», ненасытность «граблений чужих имений» и «кривина суда», а не правда-справедливость и праведность⁴³.

В такой ситуации кривды-неправды может ли слово «управити» теперь означать просто «управиться с делом», без всяких духовных коннотаций? Словоупотребление Грозного, закрепляющего это слово за царями, указывает в этом направлении. Грозный пишет Курбскому:

Се убо разумей разньство постничеству, и общежительству, и святительству, и царству. И аще убо царю се прилично: иже биющему в ланиту обратити другую? Се убо совершеннейшая заповедь. Како же царство **управити**, аще сам без чести будет? Святителем же сие прилично. По сему разумей разньства святительству с царством⁴⁴.

Комментарий в книге сообщает, что фрагмент текста про подставление ланит был неизвестен до обнаружения рукописи 1951 г., хотя списков этого послания мы знаем немало; по-видимому, он был интенционально исключен для получения более ортодоксального текста, где не говорилось бы, что царь не должен подставлять вторую щеку под удар (Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, 1979: 387, прим. 59). Не говорит ли этот «новаторский» фрагмент, что должно всегда иметь возможность царство «управити», и это понимается уже в новом, Ивановском, грозном смысле; а святительство может и обойтись без того, чтобы всегда мочь «управити»? Святители могут по-христиански подставлять вторую щеку под удар, получив удар по первой. Но такая позиция не дает возможности «управити» жизнь⁴⁵, что у Грозного в данном контексте может уже означать светски-силовую заботу о треволнениях его паствы.

⁴³Курбский, 2026.

⁴⁴Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским, 1979: 24. Перевод: «Так пойми же разницу между отшельничеством, монашеством, священничеством и царской властью. И разве достойно царя, если его бьют по щеке, подставлять другую? Это совершеннейшая заповедь. Как же царь сможет **управлять царством**, если допустит над собой бесчестье? А священникам подобает смирение. Пойми же поэтому разницу между царской и священнической властью!» (там же: 134).

⁴⁵В электронной публикации ИРЛИ РАН, где печатное издание 1979 г. исправлено перед публикацией в интернете, вместо «Како же царство управити, аще сам без чести будет?» дана версия «Како же управити, аще сам без чести будет?», без слова «царство» (Первое послание Ивана Грозного Курбскому, 2026).

Уроки Иосифа Волоцкого и Макария стали основой царской миссии. Великих князей надо было убеждать разобраться с еретиками. Царя же не надо убеждать; это часть его двойкой миссии, врученной ему при венчании на царение. Во-первых, бороться с духовными тревоблениями. Во-вторых, есть миссия защищать граждан от телесных тревоблений, то есть обычных преступлений и покушений на власть.

Поэтому надо ли удивляться, когда в чине венчания Федора Иоанновича в 1584 г. читаем те же строки волоколамского настоятеля? Чин этот гласит:

...вам же подобает приняв от Вышнего повеления **правления** человеческого рода православным царем не только о своих заботиться и свое только житие **исправлять**, но и все обладаемое от тревоблений спасти и сохранять стадо его от волков невинно и бояться серпа небесного и не давать воли злоторящим людям, которые душу с телом губят (Собрание государственных грамот и договоров..., 1819: 80–81).

Правление и исправление — миссия царя как цесаря, то есть императора, то есть пастыря, что предлагали некоторые византийские тексты. И после Ивана Грозного все помнят, что миссия эта может включать и переустройство земной, светской жизни в соответствии со святыми правилами. Когда теологическая санкция действий суверена ослабнет в XIX в. и уйдет в XX в., то грозное «правление» и «управление» станет простой функцией светского правителя. Хотя, возможно, ей или ему все еще придется вмешиваться и в дела морали и нравственности. Термин «управление» — в смысле окормления паствы, направления кормчим ее на путь истинный — конечно, не уйдет насовсем из жизни церкви. Но став основным термином для характеристики светского государства, «управление» потеряет духовный ореол. Однако станет ли оно просто скучным администрированием, особенно когда государство до сих пор вмешивается в дела морали и нравственности?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в чин венчания Ивана Грозного 1547 г. и его сына Федора Иоанновича 1584 г. попали строки из 13-го слова «Просветителя» Иосифа Волоцкого, которое было специально посвящено убеждению великого князя вмешаться в дела церкви и сжечь еретиков: «Подобает приемшему от вышняго повеления правления человеческого рода, нетокмо о своих пещися и своего жития правити, но и все обладаемое от тревобления спасти, и многогреховного смятения» (Иосиф Волоцкий, 1896: 484).

Эти строки о царском правлении (в смысле выправления-исправления-направления) жития и рода были добавлены автором «Просветителя» к пересказу широко цитировавшегося на Руси начала Преамбулы к 6-й Новелле Юстиниана, где говорилось о двух видах призвания в Восточной Римской империи: святителей — служить Богу, а царей — украшати житие или грады-политии (в более поздних версиях славянских переводов это же призвание звучало как «обладать» человеческими делами и печься о них). Те же самые строки волоколамского игумена находим в его сохранившихся посланиях — к Василию III, побуждающих того к сожжению еретиков, и к его брату удельному князю Юрию Ивановичу, которому Иосиф пишет о спасении вверенной ему паствы от голода.

Мы находим и другие попытки Иосифа добавить русскую терминологию «правити-направити-управити» при пересказе тезисов важных византийских текстов, не использовавших, однако, греческих аналогов этих терминов. В «Отрывке из послания к великому князю» он добавляет к древнерусскому переводу 41-й (в оригинале — 46-й) главы поучений диакона Агапита императору Юстиниану строки, где приписывает императору миссию «изрядне управити благое твое царствие», которую он так же рекомендует великому князю на Руси. А при пересказе корабельных образов «морской» риторики аскетических положений «Лествицы» Иосиф добавляет в своей версии монастырского устава требование «паствы управити».

Иосиф в данном случае — не демиург нового мира (у)правления, а фигура, всего лишь удачно символизирующая попытку древнерусских текстов приписать на русском языке князьям и императорам необходимость «управити царство» или «житие правити», то есть вмешиваться в вопросы церковного направления-исправления паствы. Нам важна общая направленность аргументации эпохи, которую представляют тексты Иосифа Волоцкого⁴⁶. Он явно не единственный, кто требовал вмешательства. Как мы упоминали, Акиндин хотел в начале XIV в., чтобы великий князь владимирский (тогда им был Михаил Тверской) установил «право и подобно житие», а новгородский владыка Геннадий в конце

⁴⁶Для нас потому не важен спор, является ли «Отрывок из послания к великому князю» куском реального письма исторического Иосифа Волоцкого, как и споры о том, когда был написан «Просветитель», в какой последовательности глав, или в каком отношении «Просветитель» находится с «Посланием о соблюдении соборного приговора 1504 г.», постановившим сжечь еретиков (см. Бежанидзе, 2024: 107, 122–128 с обобщением этих дискуссий).

XV в. желал, чтобы великий князь «управил святую церковь». Даже св. Кирилл Белозерский в начале XV в. писал князю Андрею, третьему сыну Дмитрия Донского, на смеси церковнославянского и делового:

Такоже, господине, уймай под собою люди оть скверных слов и от лаяния, понеже то все прогневает Бога. И аще, господине, не подщишия всего того **управити**, все то на тебе възыщеть, понеже властель еси своимъ людемъ от Бога поставлен. А христианомъ, господине, не ленися **управы** давати самъ: то, господине, выше тебе от Бога вменится и молитвы и поста⁴⁷.

Желания, что великие князья «управят царство» или «управят жизнь праву и подобну», долго оставались лишь желаниями. С принятием титула царя, однако, пастырская функция суверена была записана в чин венчания. Это не значит, что сразу после этого все цари стали автоматически считать пастырство своим призванием, хотя, конечно, византизм московских ритуалов власти XVII в. и сакрализацию фигуры царя в Российской империи отмечали в своих классических трудах Успенский и Живов. Петр I не получил здесь напрямую теократическую санкцию на смену нравов Руси, но барочная риторика Прокоповича вела к сакрализации фигуры монарха, особенно после того, как царь стал назначать епископов после создания Синода. Подвиги сначала императрицы Елизаветы, а потом Екатерины II воспевались в одах как божественные, а Павел I хотел быть духовником своей семьи и министров. Когда церковные иерархи типа Платона (Левшина) стали во время своих речей величать царя образом Бога на земле (в Византии так прославлялся только патриарх), Александр I отнесся к этому скептически. Но сакрализация в устах эпигонов не стихала; Николай II вообще предложил себя в патриархи в 1905 г. (Живов и Успенский, 1996: 245, 255, 262–263, 267–271).

Гувернаментализация, однако, шла другими путями, отличными от прямой передачи пастырских функций царю. Цари не исповедовали грешников и не занимались пасением душ сами, напрямую. Их администрации в условиях постоянных европейских войн интересовало прежде всего другое: баланс сил в Европе и величие их правления. Как

⁴⁷Три послания и духовная грамота Кирилла Белозерского, 2026. Перевод: «Также, господин, унимай подвластных тебе людей от скверных слов и от ругани, потому что все это гневит Бога. И если, господин, не постараться ты все это исправить, то все это Он на тебе възыщеть, потому что властителем над своими людьми ты от Бога поставлен. А христианам, господин, не ленись управу (справедливый разбор дела — *О. Х.*) давать сам: то, господин, от Бога вменится тебе выше и молитвы и поста» (там же).

показал Раев, во время Петра и Екатерины импорт методов эффективного правления как светской, так и церковной жизнью шел в стиле «штатского резона» — именно так переводилось на русский выражение *raison d'Etat* в XVIII в. Например, Министерство внутренних дел было создано в 1802 г. словно по указке трактатов о *Polizeiwissenschaften* немецких камералистов или *Traité de la police* Николя Деламаара. То же самое можно сказать о мерах по повышению продуктивности экономики и боеготовности армии.

Гувернированием тех, кто гувернирует души, то есть священников, государству пришлось заняться после ослабления церкви в результате раскола, фундаментально поменявшего духовную жизнь страны. Но это не значит, что государство, как некий бездушный или холодный монстр, вторглось в церковные дела для расширения сферы своего господства. Эмигрантские теоретики свободы типа Георгия Федотова объясняли синодальный период Русской церкви — когда она стала де-факто министерством Российской империи — тем, что после упадка религиозной энергии в результате самосожжений и бегства старообрядцев религиозная жизнь влачила жалкое существование, и кто-то должен был войти в эту сферу жизни, неожиданно лишившуюся былой опеки и былых попечителей — например, рьяных охранителей традиции вроде протопопа Аввакума (Федотов, 2004: 352–353). Конечные цели тоже были ясны реформаторам. Петру пришлось ввести Синод, а Екатерине пришлось экспроприировать многие монастырские земли для продуктивного использования ресурсов, необходимых для роста военной и производственной мощи их державы.

Прямого перелива практик пастырства в правительственное гувернерство мы не видим и в случае Западной Европы. Фуко писал:

Я не хочу тем самым сказать, что это искусство (у)правления, некоторые признаки которого я пытался обозначить вам в связи с пастырской практикой, стало в результате процесса простого переноса, передачи, перевода одним из атрибутов суверенной власти. Король вовсе не становится пастухом, пастухом тел и жизнью, немного подобно тому как пастырь, духовный пастырь, был пастухом душ и загробной жизни. То, что увидело свет — и именно это я вам и пытался показать, — это совершенно особое искусство (у)правления, искусство, которое в себе самом имело свою собственную причину (*raison*), свою собственную разумность (*rationalité*), свое собственное *ratio*⁴⁸.

⁴⁸Фуко, Суслов и др., 2011: 373 (перевод изменен); Foucault, 2004: 294.

Фуко заметил, что артикуляция этого изменения практик власти, осознание прилива практик нововременной гвернаментальности произошли так, что с помощью термина «государство» стали обозначать нового агента действия, главного двигателя происходящих политических процессов. Это поименование важно, так как оно дискурсивно артикулировало объект наблюдения, которому потом присвоили качества агента действия — с которым можно работать, которого надо поддерживать, помогать или — наоборот — которому можно противостоять. Важно, пишет Фуко, осознать

...момент, когда то, что является государством, начинает входить, действительно входит в отрефлексированную практику людей. Проблема в том, чтобы познать, в какой момент, при каких условиях, в какой форме государство начинает проектироваться, программироваться, развиваться внутри этой осознанной практики людей, начиная с какого момента оно становится объектом познания и анализа, начиная с какого момента оно входит в отрефлексированную и согласованную стратегию, начиная с какого момента люди начинают взывать к государству, желать или жаждать его, отвергать его, опасаться его, любить его, ненавидеть его⁴⁹.

Квентин Скиннер (Скиннер, 2002) писал, что мы забыли про тот момент, когда центральное для «Левиафана» противопоставление *state* и *citizen* стало следствием радикальной лингвистической инновации. Действительно, у английского слова *state* возможность обозначать то, что мы теперь по-русски называем «государством», — то есть аппарат управления, отделенный как от персоны правителя, так и от массы тех, кем она или он правит, — появилась не раньше начала XVII в. До этого этот термин чаще всего мог означать «статус» или «состояние», что верно и для французского слова *l'état*. Только когда лингвистический маркер *the state* стал использоваться для обозначения целого пучка взаимосвязанных практик, то есть для схватывания целого набора действий, которые якобы осуществлял этот агент действий, стало возможным рефлексивно, то есть осмысленно отнести к нему как к агенту действия, хотя никто этого агента действия не может непосредственно ощутить эмпирически, с помощью наших пяти органов чувств. Артикуляция практик в поименовании нового субъекта действия предшествовала тому, что с этим теперь поименованным актором можно стало работать, иметь по поводу него рациональные планы или сильные эмоции и т. п. И теперь в действиях эмпирически наблюдаемых и тактильно осязаемых

⁴⁹Фуко, Суслов и др., 2011: 324–325 (перевод изменен). См. Foucault, 2004: 252–253.

индивидов, чьи голоса мы слышим и чьи запахи можем почувствовать, мы видим действия «государства», если эти индивиды облечены легитимной «государственной властью» в соответствии с общепризнанными ритуалами их наделения ею.

Аналогично этому тезису Фуко и Скиннера мне в этой статье было важно показать, как обозначение одного из типов духовной деятельности, части миссии пастырства, сместилось из церковной и переехало в государственно-административную жизнь, где глаголами «управити» и «управитися» стал обозначаться иногда совсем другой набор действий, нежели то, что практиковалось в монашеских обителях или в заботах благочестивого правителя, помогающего церкви в процессе спасения душ. Хотя, конечно, это мало говорит пока что о том, как термин «управление» сочетался с развитием и распространением практик современной гвернаментальности в России.

Фуко писал о приходе современной гвернаментальности в Западной Европе:

...как, в какой степени осуществление власти суверена может и должно взять на себя ряд задач, которые на него до сих пор не возлагались и которые как раз и являются задачами ведения поведения (*conduction*)? Суверену, который правит, осуществляет свой суверенитет, с этого момента, как оказывается, доверены, поручены, предписаны новые задачи — и эти новые задачи это именно задачи ведения душ (*conduction des âmes*). Следовательно, не было перехода от религиозного пастырства к другим формам вождения (*conduite*), ведения (*conduction*), направления (*direction*). На самом деле была интенсификация, умножение и общее расширение этого вопроса и этих техник вождения (*conduite*). В XVI в. мы входим в эпоху вождений (*conduites*), направлений (*directions*), (у)правлений (*gouvernements*)⁵⁰.

Фуко пояснял (Фуко, Суслов и др., 2011), что в то время много новых разнообразных задач суверена наложилось друг на друга: определить, как взрослым вести себя в жизни и как вести свою семью, что делать с религиозным ведением и ведением душ в церкви, как вести душу ребенка по жизни, чтобы он научился вести себя и стал зрелым и полезным членом общества (проблема педагогики), как вести себя властям — опекая или контролируя поведение населения. Вкратце и говоря языком этой статьи, это задачи направления и исправления поведения людей в долгом XVIII веке, которые так хорошо описал в своей книге Марк Раев.

⁵⁰Фуко, Суслов и др., 2011: 306 (перевод изменен); Foucault, 2004: 236.

Это также можно назвать задачами (у)правления им во всем богатстве оттенков этого термина, предложенного Виктором Каплуном. Но как язык направления-исправления-управления наложился в светской жизни на задачи воплощения в жизнь сначала рецептов «штатского резона» в XVIII в., а затем на попытки справиться с циркулирующими населенными более либеральных эпох в истории России — задача для будущих исследований.

СОКРАЩЕНИЯ

- PG 31 *Basilius Magnus*. S. P. N. Basili opera omnia quae exstant. Partie 3 / Ed. J.-P. Migne. — Paris : Garnier Freres, 1857. — (Patrologia Graeca ; 31).
- PG 36 *Gregorius Theologus*. S. P. N. Gregorii Theologi vulgo Nazianzeni, Archiepiscopi Constantinopolitani, opera omnia quae exstant. Partie 2 / Ed. J.-P. Migne. — Paris : Garnier Freres, 1858. — (Patrologia Graeca ; 36).
- PG 86.1 *Eusebii Alexandrini Episcopi, Eusebii Emeseni, Leontii Byzantini opera quae reperiri poterunt omnia*. Partie 1 / Ed. J.-P. Migne. — Paris : Garnier Freres, 1863. — (Patrologia Graeca ; 86).
- PG 88 *Joannes Scholasticus*. S. P. N. Joannis Scholastici, vulgo Climaci, abbatis montis Sina, opera omnia / Ed. J.-P. Migne. — Paris : Garnier Freres, 1864. — (Patrologia Graeca ; 88).

ЛИТЕРАТУРА

- Акиндин*. Написание Акиндина, мниха лавры Святыя Богородицы, к великому князю Михаилу о поставляющих мзды ради // Русская историческая библиотека. Т. 6. Ч. 1. — СПб. : Типография М. А. Александрова, 1880. — С. 150–158.
- Алексеев А. И.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. — СПб. : Российская национальная библиотека, 2010.
- Аристотель*. Сочинения : в 4 т. / под ред. В. Ф. Асмуса. — М. : Мысль, 1976–1983.
- Барсов Е. В.* Древне-русские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами : с историческим очерком чинов царского венчания в связи с развитием идеи царя на Руси // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Т. 1. — М. : Университетская типография, 1883. — С. 1–160.
- Бежанидзе Г. В.* Рецензия концепта «благой симфонии» (συμφωνία ἀγαθή) в русской богословско-политической мысли XI–XVII веков : дис. ... канд. теологии / Бежанидзе Г. В. — М. : ПСТГУ, 2024.

- Белякова Е. В., Мошкова Л. В., Опарина Т. А.* Кормчая книга : от рукописной традиции к первому печатному изданию. — М., СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017.
- Венешевич В. Н.* Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. — СПб. : Типография Императорской академии наук, 1906.
- Бердяев Н. А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. — Paris : YMCA-Press, 1971.
- Будилович А. С.* XIII слов Григория Богослова в древнеславянском переводе по рукописи Императорской Публичной Библиотеки XI века. — СПб. : Типография Императорской академии наук, 1875.
- Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. — М. : Территория будущего, 2008.
- Василий Великий.* Творения Василия Великого. Т. 8. Ч. 4. Беседы 12–26. — М. : Московская Духовная Академия, 1846.
- Василий Великий.* Творения святых отцов. Т. 9. Ч. 5. Правила, пространно изложенные в вопросах и ответах. — М. : Московская Духовная Академия, 1847.
- Великие Минеи Четьи, 1–13 сентября. — СПб. : Типография Императорской академии наук, 1868.
- Винер Н.* Кибернетика и общество / пер. с англ. Е. Г. Панфиловой. — М. : Иностранная литература, 1958.
- Виноградов В. В.* История слов. — 2-е изд. — М. : ИРЯ РАН, 1998.
- Грамота № 282 / Древнерусские берестяные грамоты. — URL: <https://gramot.y.ru/birchbark/document/show/novgorod/282/> (дата обр. 9 янв. 2026).
- Грамота № 705 / Древнерусские берестяные грамоты. — URL: <https://gramot.y.ru/birchbark/document/show/novgorod/705/> (дата обр. 9 янв. 2026).
- Гринцер Н. П.* Корабль-государство : истоки образа // Индоевропейское языкознание и классическая философия. — 2024. — Т. 28, № 1. — С. 422–448.
- Дин М.* Правительность: власть и правление в современных обществах / под ред. С. М. Гавриленко ; пер. с англ. А. А. Писарева. — М. : ИД «Дело» РАНХиГС, 2016.
- Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. — СПб. : II Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846.
- Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / под ред. Я. Н. Щапова. — М. : Наука, 1976.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / под ред. Л. В. Черепнина. — М., Л. : АН СССР, 1950.
- Живов В. М.* Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. — М. : Языки славянской культуры, 2002.
- Живов В. М.* Очерки исторической морфологии русского языка XVII–XVIII веков. — М. : Языки славянской культуры, 2004.
- Живов В. М., Успенский Б. А.* Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории.

- Семиотика культуры / Б. А. Успенский. — 2-е изд. — М. : Языки славянской культуры, 1996. — С. 205–337.
- Заварзина Г. А.* Русская лексика государственного управления : история формирования и современные процессы развития : дис. ... д-ра филол. наук / Заварзина Г. А. — Воронеж : ВГПУ, 2015.
- Зализняк А. А.* Древненовгородский диалект. — М. : Языки славянской культуры, 2004.
- Изборник 1076 года / под ред. А. И. Молдована. — М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2009.
- Иосиф Волоцкий.* Просветитель. — 3-е изд. — Казань : Казанский императорский университет, 1896.
- Иосиф Волоцкий.* Просветитель / пер. Е. В. Кравец, Л. П. Медведевой. — М. : Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1993.
- Исократ.* Панегирик / пер. с древнегреч. Э. Г. Юнца // Ораторы Греции / под ред. М. Л. Гаспарова. — М. : Художественная литература, 1985. — С. 39–64.
- Казакова Н. А., Лурье Я. С.* Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века. — М., Л. : АН СССР, 1955.
- Каплуш В.* Перестать мыслить «власть» через «государство» : *gouvernementalité*, *Governmentality Studies* и что стало с аналитикой власти Мишеля Фуко в русских переводах // Логос. — 2019. — № 2. — С. 179–220.
- Ключевский В. О.* Собрание сочинений. В 9 т. Т. 6. Специальные курсы. — М. : Мысль, 1989.
- Курбский А.* Второе послание Вассиану Муромцеву / Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) ; пер. А. А. Цехановича. — URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9866> (дата обр. 9 янв. 2026).
- Лествица отца Иоанна, достойночюднаго игумена святыя горы синайския. Рукопись, сделанная митрополитом Киприаном. — Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2011.
- Лобакова И. А.* Житие митрополита Филиппа : исследования и тексты. — СПб. : Дмитрий Буланин, 2006.
- Лопарев Х. М.* О чине венчания русских царей. — СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1887.
- Макарий (Веретенников).* Письменное наследие митрополита Макария. — М. : Духовная нива, 2001.
- Максимович К. А.* Церковные новеллы св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) в современном русском переводе : из опыта работы над проектом // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. — 2007. — № 17. — С. 27–44.
- Первое послание Ивана Грозного Курбскому / Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) ; пер. Я. С. Лурье, О. В. Тво-

- рогова. — URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9106> (дата обр. 9 янв. 2026).
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / под ред. Я. С. Лурье, Ю. Д. Рыкова. — Л. : Наука, 1979.
- Платон*. Собрание сочинений : в 4 т. — М. : Мысль, 1994.
- Послания Иосифа Волоцкого / под ред. А. А. Зимина, Я. С. Лурье. — М., Л. : АН СССР, 1959.
- Поучение Владимира Мономаха / Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) ; пер. Д. С. Лихачева. — URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=4874> (дата обр. 9 янв. 2026).
- Розенкампф Г. А.* Обзорение Кормчей книги в историческом виде. — М. : Московский университет, 1829.
- Скиннер К.* The State // Понятие государства в четырех языках / под ред. О. В. Хархордина. — СПб., М. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2002. — С. 12–74.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 6. Зипунь—Иянуарий / под ред. С. Г. Бархударова. — М. : ИРЯ РАН, 1979.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 32. Уломъ—Успейти / под ред. А. Я. Пеньковой. — М. : ИРЯ РАН, 2023.
- Слово о законе и благодати митрополита Илариона / Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) ; пер. А. Юрченко. — URL: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/tabid=4868> (дата обр. 9 янв. 2026).
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. — М. : Тип. Селивановского, 1819.
- Срезневский И. И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. В 3 т. Л—П. — СПб. : Типография Императорской академии наук, 1902.
- Три послания и духовная грамота Кирилла Белозерского / Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома). — URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4991> (дата обр. 9 янв. 2026).
- Управити // Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 32. Уломъ—Успейти / под ред. А. Я. Пеньковой. — М. : ИРЯ РАН, 2023. — С. 244–248.
- Федотов Г. П.* Русская религиозность. Т. 11. Ч. II. Средние века. XIII–XV вв. — М. : Мартис, 2004.
- Федотов Г. П.* Русская религиозность. Т. 10. Ч. I. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. — М. : Sam & Sam, 2015.
- Филиппов А. Ф.* Полицейское государство и всеобщее благо // Отечественные записки. — 2012. — № 2. — С. 328–340.
- Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Н. Наумова. — М. : Ad Marginem, 1999.

- Фуко М. Безопасность, территория, население : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году / пер. с фр. Н. В. Суслова, А. В. Шестакова, В. Ю. Быстрова. — СПб. : Наука, 2011.
- Хархордин О. В. Обличать и лицемерить : генеалогия российской личности. — СПб., М. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, Летний сад, 2002.
- Хархордин О. В. К вопросу о власти и авторитете в России // Звезда. — 2022. — № 6. — С. 161–189.
- Хархордин О. В. Общество, или дружество других. — СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2024.
- Agapetus. Advice to the Emperor / trans. from the Ancient Greek by P. N. Ball // Three Political Voices from the Age of Justinian / ed. and trans. from the Ancient Greek by P. N. Ball. — Liverpool : Liverpool University Press, 2009. — P. 99–122.
- Bigo D. Security. A Field Left Fallow // Foucault on Politics, Security and War / ed. by M. Dillon, A. Neal. — New York : Palgrave Macmillan, 2008. — P. 93–114.
- Foucault M. Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France (1977–78). — Paris : Gallimard, Seuil, 2004.
- Raeff M. The Well-Ordered Police State : Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800. — New Haven (CT), 1983.
- Sevcenko I. A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology // Harvard Slavic Studies. — 1954. — Vol. 2. — P. 141–180.
- The Monastic Rule of Iosif Volotsky / ed. by D. M. Goldfrank. — Kalamazoo (MI) : Cistercian Publications, 2000.

Kharkhordin, O. V. 2026. "Gouvernementalité po-russki [Gouvernementalité in Russian]: (u)pravleniye kak udel svyatyateley i tsarey [Governing as a Mission of Hierarchs and Tsars]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 10 (1), 13–69.

OLEG KHARKHORDIN
PHD IN POLITICAL SCIENCE
PROFESSOR

THE EUROPEAN UNIVERSITY AT SAINT PETERSBURG (SAINT PETERSBURG, RUSSIA);
ORCID: 0000-0001-8241-8600

GOUVERNEMENTALITÉ IN RUSSIAN GOVERNING AS A MISSION OF HIERARCHS AND TSARS

Submitted: Dec. 20, 2025. Reviewed: Jan. 23, 2026. Accepted: Jan. 13, 2026.

Abstract: The article attempts to adapt Michel Foucault's concept of governmentality to analyze the history of power relations in Russia. The author traces the historical evolution of the concept of "management/governing" (*upravlenie*) and related verbs (*upraviti*, *ispraviti*) in the Russian language, relying on Foucault's methodology and the works of Marc Raeff. Based on Old Russian texts (*The Sermon on Law and Grace*, Vladimir Monomakh's *Instruction*,

the works of Joseph Volotsky, the correspondence of Ivan the Terrible), the semantic shift of the term is demonstrated. It is shown how “governing” transformed from a pastoral, spiritual-moral practice (“direction to salvation” or “governing the soul”) into an administrative-political function of a secular sovereign. Particular attention is paid to the role of Joseph Volotsky in legitimizing the intervention of grand princes in church and moral affairs, as well as the consolidation of the pastoral function for the Tsar during the era of Ivan IV, which became a precursor to a specific Russian mix of power practices.

Keywords: Foucault, Governmentality, Pastoral Power, Joseph Volotsky, Ivan the Terrible, Conceptual History, Upraviti, Political Theology, Old Russian Bookishness.

DOI: 10.17323/2587-8719-2026-1-13-69.

REFERENCES

- Agapetus. 2009. “Advice to the Emperor.” In *Three Political Voices from the Age of Justinian*, ed. and trans. from the Ancient Greek by P. N. Ball, 99–122. Liverpool: Liverpool University Press.
- Akindin. 1880. “Napisaniye Akindina, mnikha lavry Svyatyya Bogoroditsy, k velikomu knyazyu Mikhailu o postavlyayushchikh mzdy radi [Writing of Akindin, Monk of the Lavra of the Holy Theotokos, to the Grand Prince Mikhail about Those Appointing for Bribes]” [in Russian]. In *Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian Historical Library]*, vol. 6, bk. 1, 150–158. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya M. A. Aleksandrova [Aleksandrov Printing House].
- Alekseyev, A. I. 2010. *Sochineniya Iosifa Volotskogo v kontekste polemiki 1480–1510-kh gg. [Works of Joseph Volotsky in the Context of the Polemics of the 1480–1510s]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Rossiyskaya natsional'naya biblioteka [Russian National Library].
- Aristotle. 1976–1983. *Sochineniya [Collected Works]* [in Russian]. Ed. by V. F. Asmus. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Barkhudarov, S. G., ed. 1979. *Zipun' — Iyanuariy [Zipun' — Iyanuariy]* [in Russian]. Vol. 6 of *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [The Dictionary of the Russian Language of the XI–XVII c.]*. Moskva [Moscow]: IRYa RAN [Russian Academy of Sciences. Vinogradov Institute of Russian Language].
- Barsov, Ye. V. 1883. “Drevne-russkiye pamyatniki svyashchennogo venchaniya tsarey na tsarstvo v svyazi s grecheskimi ikh originalami [Old Russian Monuments of the Sacred Coronation of Tsars in Connection with Their Greek Originals]: s istoricheskim ocherkom chinov tsarskogo venchaniya v svyazi s razvitiyem idei tsarya na Rusi [With a Historical Sketch of the Ranks of the Royal Wedding in Connection with the Development of the Idea of the Tsar in Russia]” [in Russian]. In *Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossiyskikh [Readings at the Imperial Society of Russian History and Antiquities]*, 1:1–160. Moskva [Moscow]: Universitet-skaya tipografiya [University Printing House].
- Basilus Magnus. 1857. *S. P. N. Basilii opera omnia quae eastant* [in Greek]. Ed. by J.-P. Migne. Bk. 3. Patrologia Graeca 31. Paris: Garnier Fratres.
- Basilus the Great. 1846. *Besedy 12–26 [Conversations 12–26]* [in Russian]. Vol. 8, bk. 4 of *Tvoreniya Vasiliya Velikogo [Works of Basilus the Great]*. Moskva [Moscow]: Moskovskaya Dukhovnaya Akademiya [Moscow Theological Academy].
- . 1847. *Pravila, prostranno izlozhennyye v voprosakh i otvetakh [Rules Explained in Detail in Questions and Answers]* [in Russian]. Vol. 9, bk. 5 of *Tvoreniya svyatykh ottsov [Works of Saintly Fathers]*. Moskva [Moscow]: Moskovskaya Dukhovnaya Akademiya [Moscow Theological Academy].

- Belyakova, Ye. V., L. V. Moshkova, and T. A. Oparina. 2017. *Kormchaya kniga [Kormchaya Book]: ot rukopisnoy traditsii k pervomu pechatnomu izdaniyu [From the Manuscript Tradition to the First Printed Edition]* [in Russian]. Moskva [Moscow] and Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tsentr gumanitarnykh initsiativ [Center for Humanitarian Initiatives].
- Beneshevich, V. N. 1906. *Drevneslavyanskaya kormchaya XIV titulov bez tolkovaniy [Old Slavic Kormchaya of XIV Titles without Interpretations]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk [Printing House of Imperial Academy of Sciences].
- Berdyyev, N. A. 1971. *Russkaya ideya. Osnovnyye problemy russkoy mysli XIX i nachala XX veka [The Russian Idea]* [in Russian]. Paris: YMCA-Press.
- Bezhanidze, G. V. 2024. "Retseptsiya kontsepta 'blagoy simfonii' (συμφωνία ἀγαθή) v russkoy bogoslovsko-politicheskoy mysli XI–XVII vekov [Reception of the Concept of 'Good Symphony' in Russian Theological and Political Thought of the 11th–17th Centuries]" [in Russian]. PhD diss., PSTGU [St Tikhon's University].
- Bigo, D. 2008. "Security. A Field Left Fallow." In *Foucault on Politics, Security and War*, ed. by M. Dillon and A. Neal, 93–114. New York: Palgrave Macmillan.
- Budilovich, A. S. 1875. *XIII slov Grigoriya Bogoslova v drevneslavyanskom perevode po rukopisi Imperatorskoy Publichnoy Biblioteki XI veka [The XIII words of Gregory the Theologian in the Old Slavic translation from the Manuscript of the Imperial Public Library of the XI century]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk [Printing House of Imperial Academy of Sciences].
- Cherepnin, L. V., ed. 1950. *Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikikh i udel'nykh knyazey XIV–XVI vv. [Spiritual and Contractual Charters of Grand and Appanage Princes of the 14th–16th Centuries]* [in Russian]. Moskva [Moscow] and Leningrad: AN SSSR [USSR Academy of Sciences].
- Dean, M. 2016. *Pravitel'nost': vlast' i pravleniye v sovremennykh obshchestvakh [Governmentality: Power and Rule in Modern Society]* [in Russian]. Ed. by S. M. Gavrilenko. Trans. from the English by A. A. Pisarev. Moskva [Moscow]: ID "Delo" RANKhiGS [Delo Publishers of RANEPa].
- Dopolneniya k Aktam istoricheskim, sobrannyye i izdannyye Arkheograficheskoy komissiyey [Supplements to Historical Acts]* [in Russian]. 1846. Vol. 1. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: II Otdeleniye Sobstvennoy Ye. I. V. Kantselyarii [II Department Of Its Own E. I. V. Office Printing House].
- Fedotov, G. P. 2004. *Sredniye veka. XIII–XV vv. [Middle Ages. XIII–XV c.]* [in Russian]. Vol. 11, bk. II of *Russkaya religioznost' [Russian Religiosity]*. Moskva [Moscow]: Martis.
- . 2015. *Khristianstvo Kiyevskoy Rusi. X–XIII vv. [Christianity of Kievan Russia. XI–XIII c.]* [in Russian]. Vol. 10, bk. I of *Russkaya religioznost' [Russian Religiosity]*. Moskva [Moscow]: Sam & Sam.
- Filippov, A. F. 2012. "Politseyskoye gosudarstvo i vseobshcheye blago [Police State and Common Good]" [in Russian]. *Otechestvennyye zapiski [Fatherland Notes]*, no. 2, 328–340.
- Foucault, M. 1999. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdeniye tyur'my [Surveiller et punir. Naissance de la prison]* [in Russian]. Trans. from the French by V. N. Naumov. Moskva [Moscow]: Ad Marginem.
- . 2004. *Sécurité, territoire, population. Cours au Collège de France (1977–78)* [in French]. Paris: Gallimard / Seuil.
- . 2011. *Bezopasnost', territoriya, naseleniye [Sécurité, territoire et population]: kurs lektsiy, prochitannykh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu [cours*

- au Collège de France (1977–1978)*] [in Russian]. Trans. from the French by N. V. Suslov, A. V. Shestakov, and V. Yu. Bystrov. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Goldfrank, D. M., ed. 2000. *The Monastic Rule of Iosif Volotsky*. Kalamazoo (MI): Cistercian Publications.
- “Gramota № 282 [Old Russian Birchbark Charters No. 282]” [in Russian]. Drevnerusskiye berestyanyye gramoty [Old Russian Birch Bark Letters]. Accessed Jan. 9, 2026. <https://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/282/>.
- “Gramota № 705 [Old Russian Birchbark Charters No. 705]” [in Russian]. Drevnerusskiye berestyanyye gramoty [Old Russian Birch Bark Letters]. Accessed Jan. 9, 2026. <https://gramoty.ru/birchbark/document/show/novgorod/705/>.
- Gregorius Theologus. 1858. *S. P. N. Gregorii Theologi vulgo Nazianzeni, Archiepiscopi Constantinopolitani, opera omnia quae exstant* [in Greek]. Ed. by J.-P. Migne. Bk. 2. Patrologia Graeca 36. Paris: Garnier Fratres.
- Grintser, N. P. 2024. “Korabl'-gosudarstvo [Ship of State]: istoki obraza [Origins of the Image]” [in Russian]. *Indoevropeyskoye yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European Linguistics and Classical Philology]* 28 (1): 422–448.
- Iosif Volotskiy. 1896. *Prosvetitel' [The Enlightener]* [in Russian]. 3rd ed. Kazan': Kazanskiy imperatorskiy universitet [Kazan Imperial University].
- . 1993. *Prosvetitel' [The Enlightener]* [in Russian]. Trans. by Ye. V. Kravets and L. P. Medvedeva. Moskva [Moscow]: Spaso-Preobrazhenskiy Valaamskiy monastyr' [The Valaam Monastery of the Holy Transfiguration].
- Isocrates. 1985. “Panegirik [Panegyricus]” [in Russian]. In *Oratory Gretsii [Orators of Greece]*, ed. by M. L. Gasparov, trans. from the Ancient Greek by E. G. Yunts, 39–64. Moskva [Moscow]: Khudozhestvennaya literatura.
- Joannes Scholasticus. 1864. *S. P. N. Joannis Scholastici, vulgo Climaci, abbatis montis Sina, opera omnia* [in Greek]. Ed. by J.-P. Migne. Patrologia Graeca 88. Paris: Garnier Fratres.
- Kaplun, V. 2019. “Perestat' myslit' ‘vlast’' cherez ‘gosudarstvo’ [Stop Understanding ‘Power’ Through the ‘State’]: governementalite, Governmentality Studies i chto stalo s analitikooy vlasti Mishelya Fuko v russkikh perevodakh [Gouvernementalité, Governmentality Studies, and the Fate of Michel Foucault’s Analytics of Power in Russian Translations]” [in Russian]. *Logos*, no. 2, 179–220.
- Kazakova, N. A., and Ya. S. Lur'ye. 1955. *Antifeodal'nyye yereticheskiye dvizheniya na Rusi XIV – nachala XVI veka [Anti-Feudal Heretical Movements in Rus' of the 14th – Early 16th Century]* [in Russian]. Moskva [Moscow] and Leningrad: AN SSSR [USSR Academy of Sciences].
- Kharkhordin, O. V. 2002. *Oblichat' i litsemerit' [Denounce and Dissemble]: genealogiya rossiyskoy lichnosti [A Genealogy of the Russian Identity]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg] and Moskva [Moscow]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge / Letniy sad.
- . 2022. “K voprosu o vlasti i avtoritete v Rossii [On the Question of Power and Authority in Russia]” [in Russian]. *Zvezda*, no. 6, 161–189.
- . 2024. *Obshchestvo, ili druzhestvo drugikh [Society, or Friendship with the Others]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge [European University at St. Petersburg Press].
- Klyuchevskiy, V. O. 1989. *Spetsial'nyye kursy [Special Courses]* [in Russian]. Vol. 6 of *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*. 9 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Kurbский, A. “Vtoroye poslaniye Vassianu Muromtsevu [The Second Epistle to Vassian Muromtsev]” [in Russian]. Trans. by A. A. Tsekhonovich. Elektronnyye publikatsii Instituta russkoy

- literaturny (Pushkinskogo doma) [Electronic Publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House)]. Accessed Jan. 9, 2026. <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9866>.
- Lestvitsa ottsa Ioanna, dostoynochyudnago igumena svyatyya gory sinayskiya. Rukopis', sdelannaya mitropolitom Kiprianom [The Ladder of Father John, the Worthy Abbot of the Holy Mount Sinai] [in Russian]. 2011. Sergiyev Posad: Svyato-Troitskaya Sergiyeva Lavra [The Trinity-Sergius Lavra].
- Lobakova, I. A. 2006. *Zhitiye mitropolita Filippa [Life of Metropolitan Philip]: issledovaniya i teksty [Research and Texts]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Dmitriy Bulanin.
- Loparev, Kh. M. 1887. *O chine venchaniya russkikh tsarey [On the Rite of Coronation of Russian Tsars]* [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tip. V. S. Balasheva [Balashev's Typography].
- Lur'ye, Ya. S., and Yu. D. Rykova, eds. 1979. *Perepiska Ivana Groznogo s Andreyem Kurbskim [Correspondence of Ivan the Terrible with Andrey Kurbsky]* [in Russian]. Leningrad: Nauka.
- Makariy (Veretennikov). 2001. *Pis'mennoye naslediyе mitropolita Makariya [Written Legacy of Metropolitan Macarius]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Dukhovnaya niva.
- Maksimovich, K. A. 2007. "Tserkovnyye novelly sv. imperatora Yustiniana I (527–565 gg.) v sovremennom russkom perevode [Church Novellae of St. Emperor Justinian I (527–565) in Modern Russian Translation]: iz opyta raboty nad proyektom [From Experience of Working on the Project]" [in Russian]. *Vestnik PSTGU. Seriya 1: Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye [St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies]*, no. 17, 27–44.
- Migne, J.-P., ed. 1863. *Eusebii Alexandrini Episcopi, Eusebii Emeseni, Leontii Byzantini opera quae reperiri poterunt omnia* [in Greek]. Bk. 1. Patrologia Graeca 86. Paris: Garnier Fratres.
- Moldovan, A. I., ed. 2009. *Izbornik 1076 goda [Izbornik of 1076]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi.
- Pen'kova, A. Ya., ed. 2023a. *Ulom'' — Uspeyati [Ulom'' — Uspeyati]* [in Russian]. Vol. 32 of *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [The Dictionary of the Russian Language of the XI–XVII c.]*. Moskva [Moscow]: IRYa RAN [Russian Academy of Sciences. Vinogradov Institute of Russian Language].
- , ed. 2023b. "Upraviti [Upraviti]" [in Russian]. In *Ulom'' — Uspeyati [Ulom'' — Uspeyati]*, vol. 32 of *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [The Dictionary of the Russian Language of the XI–XVII c.]*, 244–248. Moskva [Moscow]: IRYa RAN [Russian Academy of Sciences. Vinogradov Institute of Russian Language].
- "Pervoye poslaniye Ivana Groznogo Kurbskomu [The First Epistle of Ivan The Terrible to Prince Kurbsky]" [in Russian]. Trans. by Ya. S. Lur'ye and O. V. Tvorogov. Elektronnyye publikatsii Instituta russkoy literaturny (Pushkinskogo doma) [Electronic Publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House)]. Accessed Jan. 9, 2026. <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=9106>.
- Plato. 1994. *Sobraniye sochineniy [Collected Works]* [in Russian]. 4 vols. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- "Poucheniye Vladimira Monomakha [The Instruction of Prince Vladimir Monomakh]" [in Russian]. Trans. by D. S. Likhachev. Elektronnyye publikatsii Instituta russkoy literaturny (Pushkinskogo doma) [Electronic Publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House)]. Accessed Jan. 9, 2026. <http://lib.pushkinskiydom.ru/default.aspx?tabid=4874>.

- Raef, M. 1983. *The Well-Ordered Police State: Social and Institutional Change Through Law in the Germanies and Russia, 1600–1800*. New Haven (CT).
- Rozenkampf, G. A. 1829. *Obozreniye Kormchey knigi v istoricheskom vide [Review of the Kormchaya Book in Historical Form]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Moskovskiy universitet [Moscow University Press].
- Sevcenko, I. 1954. "A Neglected Byzantine Source of Muscovite Political Ideology." *Harvard Slavic Studies* 2:141–180.
- Shchapov, Ya. N., ed. 1976. *Drevnerusskiye knyazheskiye ustavy XI–XV vv. [Old Russian Princely Statutes of the 11th–15th Centuries]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Skinner, Q. 2002. "The State" [in Russian]. In *Ponyatiye gosudarstva v chetyrekh yazykakh [Concept of the State in Four Languages]*, ed. by O. V. Kharkhordin, 12–74. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg] and Moskva [Moscow]: Yevropeyskiy universitet v Sankt-Peterburge / Letniy sad [EUSP Press and Letniy sad].
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [The Dictionary of the Russian Language of the XI–XVII c.]* [in Russian]. 1975/. Moskva [Moscow].
- "Slovo o zakone i blagodati mitropolita Ilariona [Sermon on Law and Grace]" [in Russian]. Trans. by A. Yurchenko. Elektronnyye publikatsii Instituta russkoy literatury (Pushkinskogo doma) [Electronic Publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House)]. Accessed Jan. 9, 2026. <http://lib2.pushkinskiydom.ru/tabid-4868>.
- Sobraniye gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khraryashchikhsya v gosudarstvennoy kollegii inostrannykh del [Collection of State Documents and Treaties from the State Collegium for Foreign Affairs]* [in Russian]. 1819. Bk. 2. Moskva [Moscow]: Tip. Selivanovskogo [Selivanovskiy Printing House].
- Sreznnevskiy, I. I. 1902. *L – P [L – P]* [in Russian]. In *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language on Written Monuments]*. 3 vols. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk [Printing House of Imperial Academy of Sciences].
- "Tri poslaniya i dukhovnaya gramota Kirilla Belozerskogo [Three Epistles and a Spiritual Testament of Kirill Belozersky]" [in Russian]. Elektronnyye publikatsii Instituta russkoy literatury (Pushkinskogo doma) [Electronic Publications of the Institute of Russian Literature (Pushkin House)]. Accessed Jan. 9, 2026. <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4991>.
- Val'denberg, V. Ye. 2008. *Drevnerusskiye ucheniya o predelakh tsarskoy vlasti [Old Russian Doctrines on the Limits of Tsarist Power]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Territoriya budushchego.
- Velikiye Minei Chet'i, 1–13 sentyabrya [Great Menaion Reader]* [in Russian]. 1868. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk [Printing House of Imperial Academy of Sciences].
- Vinogradov, V. V. 1998. *Istoriya slov [History of the Words]* [in Russian]. 2nd ed. Moskva [Moscow]: IRYa RAN [Russian Academy of Sciences. Vinogradov Institute of Russian Language].
- Wiener, N. 1958. *Kibernetika i obshchestvo [The Human Use of Human Beings. Cybernetics and Society]* [in Russian]. Trans. from the English by Ye. G. Panfilova. Moskva [Moscow]: Inostrannaya literatura.
- Zaliznyak, A. A. 2004. *Drevnenovgorodskiy dialekt [Old Novgorod Dialect]* [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Zavarzina, G. A. 2015. "Russkaya leksika gosudarstvennogo upravleniya [Russian Vocabulary of State Administration]: istoriya formirovaniya i sovremennyye protsessy razvitiya [His-

- tory of Formation and Modern Development Processes]" [in Russian]. Doctoral diss., VGPU [VSPU].
- Zhivov, V. M. 2002. *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury* [Investigations in the Field of History and Prehistory of Russian Culture] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- . 2004. *Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII–XVIII vekov* [Essays on Historical Morphology of the Russian Language of the 17th–18th Centuries] [in Russian]. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Zhivov, V. M., and B. A. Uspenskiy. 1996. "Tsar' i Bog. Semioticheskiye aspekty sakralizatsii monarkha v Rossii [Tsar and God. Semiotic Aspects of Sacralization of the Monarch in Russia]" [in Russian]. In *Semiotika istorii. Semiotika kul'tury* [Semiotics of History. Semiotics of Culture], vol. 1 of *Izbrannyye trudy* [Selected Works], 2nd ed., by B. A. Uspenskiy, 205–337. Moskva [Moscow]: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Zimin, A. A., and Ya. S. Lur'ye, eds. 1959. *Poslaniya Iosifa Volotskogo* [Epistles of Joseph Volotsky] [in Russian]. Moskva [Moscow] and Leningrad: AN SSSR [USSR Academy of Sciences].